Sine ira et studio

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

19 ФЕВРАЛЯ
№ 22

ЦЕНА 40 КОП.

В КРЕМЛЕ ВНОВЬ ЗАСЕДАЮТ
ВЧЕРА ОТКРЫЛАСЬ ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

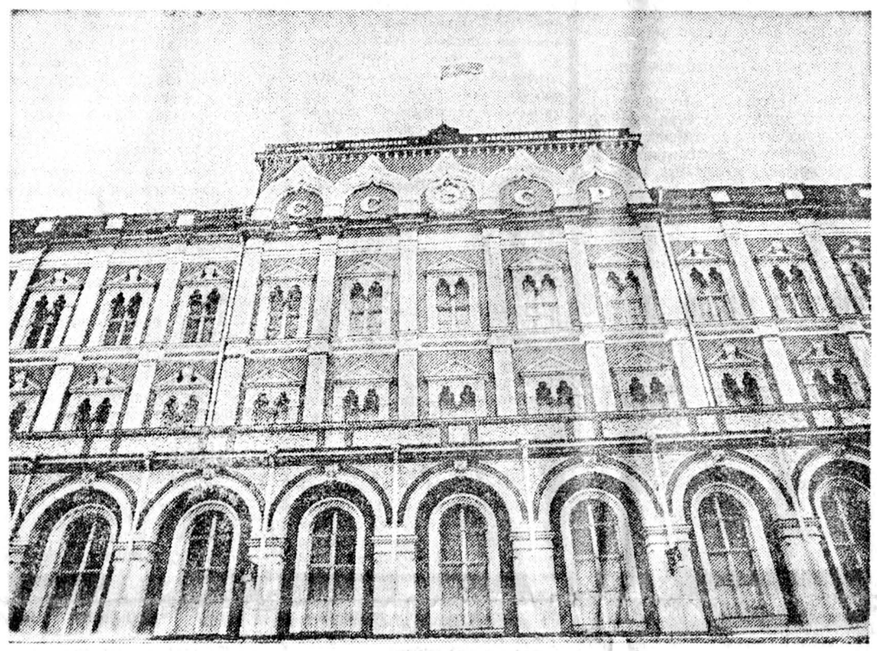
Сергей Пархоменко

ОЧЕРЕДНАЯ сессия ВС СССР открылась, как водится, затяжными дебатами о повестке дня. В программе, предложенной президиумом на первый месяц работы, фигурируют 16 законопроектов, что — при обычном режиме с двумя пленарными днями в неделю — потребует от парламента поистине стахановских темпов обсуждения, оставляя ему меньше одного дня на каждый принимаемый закон.

Среди этих 16 пунктов выделим целую группу актов, предложенных «в рамках перевода экономики на рыночные рельсы». Это законы о предпринимательстве, о приватизации, об антимонопольной деятельности.

Особо упомянем закон-призрак, история принятия которого успела приобрести уже явно анекдотические черты,— это закон о выезде и въезде.

Как и ожидалось, при обсуждении повестки дня прозвучали многочисленные требования вне всякой очереди рассмотреть ситуацию в Персидском заливе. Собственно, первым эту тему затронул Анатолий Лукьянов: в своей вступительной речи он заявил, что «обстановка здесь отличается все большей остротой — гибнут ни в чем не повинные люди, гражданское население, имеется угроза превышения мандата ООН».



Куда более энергично выразился по сему поводу Борис Олейник: «Не выйдет ли так, что под голубым флагом ООН мы войдем черной строкой в историю человечества...» Разумеется, и Виктор Алкснис не упустил случая поучаствовать в дискуссии, трактуя ее в привычном ему духе: «Сегодня рушится последний миф эпохи перестройки — миф о блестящих успехах советской внешней политики». Между прочим, присутствовавшие в зале были несколько удивлены тем, что Виктор Алкснис и Николай Петрушенко с самого начала заседания расположились почему-то не на своих привычных местах, а в секторе, отведенном для правительства. Такая мизансцена выглядела по меньшей мере символично.

Неожиданностью при обсуждении вопроса о войне на Ближнем Востоке стало то, что к хору критиков ее развития присоединился, хотя и с известной осторожностью, Сергей Рябченко, выступавший от имени МДГ.

Точно так же разошлась с прогнозами и позиция представителя группы коммунистов Виктора Лисицкого, который вдруг потребовал тщательного расследования причин и обстоятельств балтийского кризиса, заметив: «Вопрос о ситуации в Вильнюсе и Риге — вопрос о доверии мира ко всем нам».

Однако главным событием первого дня сессии стало сообщение Валентина Павлова по проблемам ценовой реформы — первое его крупное выступление перед парламентом в ранге премьера. Но на обсуждение представленной программы времени не хватило, потому отложили подробный ее анализ и мы. Заметим пока только, что общая реакция зала на речь Павлова показалась довольно неодобрительной и даже раздраженной. Ответом на многие его заявления был глухой и тяжелый ропот...

В НОМЕРЕ:

- Нагорный Карабах глазами очевидцев — стр. 3
- Елена Боннэр о референдуме — стр. 2
- Виктор Гришин. Интервью для «НГ». Окончание — стр. 5
- Проза как наркотик. Молодой писатель Владимир Сорокин о себе и других — стр. 7

Наш советский Григорий Распутин выходит на сцену

Художественный руководитель театра-студии «На досках» и созданный им Экспериментальный творческий центр становится источником вдохновения для премьер-министра.

Результаты расследования «НГ» на стр. 2 и 4.

Коротко

М. Горбачев вынужден оправдываться

«КОЛЛЕКЦИОНЕРУ случаев паранойи на почве ксенофобии было бы трудно найти что-либо лучшее, чем утверждение премьер-министра Советского Союза Валентина Павлова о том, что определенные силы на Западе пытались в прошлом месяце добиться смещения президента Михаила Горбачева с помощью экономического заговора», — пишет, по сообщению ТАСС, британская газета «Индепендент» в редакционной статье 13 февраля.

«Выдвинутые Павловым обвинения в финансовом заговоре,— отмечает «Бостон глоб»,— приобретают дополнительную пикантность благодаря тому, что многие независимые экономисты считают его самого человеком, разработавшим свой заговор с целью развала советской экономики».

В ответ на чрезвычайно резкую реакцию крупнейших западных банков, поддержанную официальными кругами, Горбачев вынужден был объясняться на встрече с министрами иностранных дел ЕС 16 февраля. ТАСС сообщил об этом так:

«В ответ на просьбу пояснить смысл недавних высказываний премьер-министра СССР, вызвавших негативную реакцию на Западе, М. С. Горбачев рекомендовал не трактовать их «обобщенно» — курс на тесное экономическое сотрудничество, на органичное включение будущей рыночной экономики страны в мирохозяйственные связи непреложен».

Красный день календаря

В МОССОВЕТ поданы заявки на проведение 23 февраля сразу трех массовых мероприятий: митинга «Демроссии» по поводу падения уровня жизни, антивоенной «живой цепочки» и митинга на Манежной площади под девизом «Народ и армия едины». В оргкомитете последнего мероприятия подавляющее большинство составляют работники МГК КПСС, ветеранских организаций, члены КС депутатских групп «Союз» и «Москва», сотрудники МО и комендатуры. Входит в него и заместитель начальника ПУРа Московского военного округа. Как стало известно «НГ», в военные академии и другие подразделения направлено распоряжение о том, что явка офицеров и курсантов обязательна, причем военнослужащие ряда подразделений должны прибыть в штатском.

«НГ».

С Бакатиным — переиграли

В ЭТИ ДНИ окончательно решится вопрос о новой работе для Вадима Бакатина — теперь он будет вынесен на обсуждение сессии Верховного Совета. Все разговоры о том, что Бакатин перейдет на дипломатическую работу, так и остались разговорами.

«НГ».

Шеварднадзе прервал молчание

ГАВРИИЛ ПОПОВ получил официальное письмо от Эдуарда Шеварднадзе с предложением Моссовету участвовать в «Ассоциации по проблемам внешней политики и нового мышления» — новой общественной организации, создаваемой бывшим министром иностранных дел. Об этом сообщил вчера на президиуме Сергей Станкевич. Президиум одобрил это предложение.

Сергей Ступарь.

Коротко

МЕЖРЕГИОНАЛЫ В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ

В состоянии ли они вести парламентскую борьбу?

Владимир Тодрес

ТЕПЕРЬ, после ротации Верховного Совета СССР, «межрегионалы» едва ли составляют там больше 10 процентов. Как известно, при голосовании были забаллотированы Старовойтова, Левашов, Боголепский и ряд других депутатов. Так что у МДГ вряд ли ныне есть шансы повлиять на ход не только голосования, но, возможно, и обсуждения. Сокращение числа комитетов и комиссий (как и числа работающих в них депутатов) тоже не прибавит парламенту самостоятельности и работоспособности.

Так или иначе, именно такой состав ВС встречает волну событий, раскатившуюся со времени последнего заседания месяц назад и сулящую еще немало интересного. Хотя и не особенно нового: парламенту страны сквозь грим вновь улыбается старая знакомая — программа Н. Рыжкова образца лета 1990 года, на этот раз подкрепленная предварительными шагами правительства в области экономики и финансово-кредитной системы. Вернее всего, хорошего волиореза из податливого ВС не выйдет.

В этой ситуации пребыванию МДГ на сессии придает какой-то смысл лишь возможность открытой трибуны для заявления своей позиции. Однако не забудем, что эта возможность реализуется лишь при адекватной трансляции. И не факт, что подготовленную А. Емельяновым пламенную речь о том, что реформа цен предполагает действительную реформу экономики, с реальными мерами социальной защиты, а приватизация должна включать распределение части госсобственности между всеми гражданами («Все поделить!» — бессмертный лозунг),— не факт, что ее миллионы «потенциальных собственников» смогут услышать. Никто не гарантирует от подобной судьбы и рассуждения МДГ о сомнительной конституционности последних президентских указов. Так что действительный эффект от наработанных группой при подготовке к сессии резолюций вернее всего отражают слова Александра Яблокова: «Необходимо еще раз четко заявить о МДГ как парламентской оппозиции, не несущей ответственности за принимаемые в Верховном Совете решения».

И тем не менее в глазах человека с улицы члены МДГ разделяют ответственность ВС за его непопулярные решения — просто потому, что принимают участие в его работе. Вынужденно играя по правилам системы, трудно сохранить лицо. Тому доказательство — изменение рейтинга демократических политиков. Межрегиональная группа пока не ощутила холодка от той черной тени, которая уже задела крылом и Заславского ка районном, и Ельцина на республиканском уровне (история с чрезвычайным съездом народных депутатов России не случайно разворачивается на фоне пертурбаций с повышением цен, на которое российскому руководству неизбежно придется согласиться). Пока не ощутила, но, судя по всему, это ей предстоит. Однако, по словам Галины Старовойтовой, МДГ сейчас должна продолжать выполнять свой долг: «Может быть, в какой-то момент мы сочтем нужным уйти. Такая ситуация не исключена. Но сейчас это не в интересах избирателей. Пока это было бы просто бегством с поля боя».

Какая же добавка станет критической, какая капля — последней? Не исключено, что ее роль сыграют результаты референдума или повышение цен по павловскому рецепту. Но станет ли это поражением демократов? Иллюзии относительно союзного съезда народных депутатов и Верховного Совета как апофеоза демократии, кажется, благополучно почили. И вряд ли страна заплачет, если день, когда МДГ и примкнувшие к ней возможно большим числом (после предварительной кампании, естественно) депутаты сложат свои мандаты, станет последним днем этого органа.

ЦЕНТРИСТСКИЙ БЛОК

Ищем политических контактов с Кремлем

Дмитрий Старостин

«БЛАГОРОДНАЯ идея Центристского блока найдет всесоюзную поддержку!» — заявил 16 февраля в Центральном доме туриста представитель союзного парламента и один из наиболее близких к Горбачеву людей Борис Олейник. 113 делегатов проходившей в этот день конференции Центристского блока политических партий встретили его слова аплодисментами. Впрочем, проводить эту конференцию они планировали в Кремлевском Дворце съездов. Анатолий Лукьянов, встречавшийся с лидерами блока в конце 1990 года, отказался предоставить дворец, предложив обратиться лично к Михаилу Горбачеву.

Однако один из лидеров блока, председатель Либерально-демократической партии и бывший юридический консультант издательства «Мир» Владимир Жириновский сказал в интервью «НГ», что уже встретился с Горбачевым в фойе на четвертом съезде народных депутатов СССР. По словам Жириновского, он высказал поддержку «центристской линии» Президента СССР и его стремлению сохранить единый Союз. О реакции Горбачева Жириновский не упомянул. Более определенное заявление сделал корреспонденту «НГ» ответственный сотрудник ГУВД Москвы Валентин Уваров: «Отношение президента к Центристскому блоку позитивное».

Центристский блок был объектом уничтожающей критики со стороны демократической прессы в течение полугода. Блок был создан 8 июня 1990 года, его председателем стал бывший квартирный маклер Владимир Воронин.

К настоящему времени, по утверждению руководства блока, в него входят 18 партий, организаций и фондов. В это число включено несколько так называемых «карликовых» партий, численность которых, по данным Валентина Уварова, не превышает нескольких десятков человек. Однако Воронин заявил 16 февраля, что у него лежат заявки на вступление в Центристский блок Генриха Боровика (от имени Комитета защиты мира) и Виктора Алксниса (от имени депутатской группы «Союз»).

Осенью 1990 года Центристский блок предал гласности свой проект состава коалиционного правительства. Роль премьера отводилась Анатолию Собчаку (который заявил, что первый раз об этом слышит). Жириновский выдвинул себя на пост министра юстиции или иностранных дел. Скандал в печати вокруг несостоявшегося «правительства национального согласия» не помешал лидерам Центристского блока попасть на прием к Николаю Рыжкову, Ивану Лаптеву, Ивану Силаеву, а в январе 1991 года — к Владимиру Крючкову. «Центристы» потребовали от председателя КГБ «навести порядок в стране», проводя экономическую реформу в условиях чрезвычайного положения, роспуска политических партий и парламентов мятежных республик.

Если в январе 1991 года в качестве первого объекта для роспуска Центристский блок предлагал ВС Литвы, то 16 февраля Жириновский заявил, что начать надо с Грузии. Возможно, это объясняется тесными связями центристов с председателем ВС Абхазии В. Ардзинбой, опирающимся на центральные власти СССР в своем противостоянии Тбилиси. Однако законопослушные лидеры Центристского блока осудили методы Комитета национального спасения Литвы, заявив, что решение о роспуске Верховного Совета той или иной республики может принять только Президент СССР или союзный парламент. В интервью корреспонденту «НГ» Жириновский предложил для этого следующую модель: «В одно прекрасное апрельское утро грузины прочитают в газетах, что декретом Президента СССР распущены ВС Грузии и органы исполнительной власти. Если они попробуют не подчиниться, то Президент СССР назначит генерал-губернатора в лице командующего Закавказским военным округом. Это будет уроком и для Прибалтики, и для России, которая особенно активна в разламывании Союза». «Более того,— заявил Жириновский,— если бы сейчас танки Кантемировской дивизии прошли по Ленинскому проспекту к телебашне, я вышел бы встречать их с цветами! Это было бы наконец наступление демократии!»

Один из присутствовавших в Доме туриста репортеров назвал происходящее «пантомимумом». Однако активность Центристского блока в установлении политических контактов как с представителями этнических меньшинств в республиках, так и с высокопоставленными фигурами в Кремле не вызывает сомнений. Лукьянов еще в ноябре на заседании ВС СССР заявил о необходимости учитывать мнение Центристского блока при формировании нового Кабинета министров. Сейчас лидеры блока претендуют на места в Совете Безопасности — новом органе власти американского образца, создаваемом при Президенте СССР. Валентин Уваров утверждает, что это намерение поддерживается заместителем министра внутренних дел СССР Борисом Громовым, участие которого в Совете Безопасности почти гарантировано.

«Мы призываем всех граждан, выступающих за сохранение территориальной целостности нашего могучего государства, проголосовать «за» на референдуме 17 марта!» — заявил 16 февраля Владимир Воронин. Витаутаса Ландсбергиса Жириновский сравнил с Адольфом Гитлером, заявив, что по всей стране люди труда противостоят националистическим политиканам. По словам лидеров Центристского блока, в ближайшее время состоится их встреча с Президентом СССР. Возможно, что форум «всех демократических сил» под лозунгом «Единение!», который Центристский блок предполагает провести в мае—июне, действительно может пройти во Дворце съездов. Ведь слово «единение» значит то же самое, что и «консолидация» — знаменитый на весь мир девиз Михаила Горбачева.

130 000
контрактов в СССР?

это реальность при использовании
Банка Адресов
предприятий и организаций СССР

Основные черты:
- Банк содержит более 130000 адресов
- функционирует на IBM PC XT/AT
- поиск адресов в системе может вестись по отраслям производства и регионам страны, а также по названиям предприятий.
- печать адресов на конвертах всех форматов, принятых в СССР.
- возможна поставка части Банка Адресов.

Дополнительно:
- регулярная сверка информации
- бесплатное сопровождение в течение 2 лет (поставка новых версий и модификаций)
- новички получают бесплатно обучающую программу по работе с Банком Адресов.

Мы также проводим рекламные кампании по почте. Срок поставки Банка Адресов - 5 дней после заказа; объем - 13 дисков 5.25".

Все предприятия СССР - в Вашем компьютере!

ПК "Программирование и компьютеры"
129282, Москва а/я 24, тел. 455-89-72

ИЗ КАКИХ источников новая президентская команда пополняет свой политический багаж? Откуда черпает премьер свою информацию, вызывающую оторопь у видавшего виды отечественного населения?

Заговор международных банкиров против Горбачева, скупка мафией отечественной прессы, фантастические цифры падения производства, холодящая кровь картина «экономического саботажа» и прогнозы грядущих ужасов. (Такое впечатление, что нынешние властители провели предыдущие годы в тюрьме или эмиграции и какие-то другие злые люди за это время доконали отечество).

(Окончание на 4-й стр.).

ПОЛИТИКА

ЧИТАЙТЕ КОНСТИТУЦИЮ СССР!

С Еленой Боннэр беседует журналист Александр Путко

Мнение

— Елена Георгиевна, я знаю, как вас волнует все, что происходит в Литве и вокруг Литвы. И вот — намерение Исландии установить дипломатические отношения, а в ответ — резкая реакция МИД СССР...

— Больше всего меня возмущают ссылки на законы, на Конституцию СССР. Расчет, очевидно, делается на то, что народ наш поголовно не знает Конституцию, а потому примет все на веру. Вполне допускаю, что и руководители наши давно не заглядывали в Основной Закон. Судите сами. Практически все население республики приняло участие в референдуме. Активность небывалая! За независимость Литвы высказывается более 90 процентов. Значит, и русскоязычные! А президент объявляет, что опрос не имеет юридической силы, хотя проведение референдумов по такого рода вопросам — конституционное право республики.

Верховный орган власти декларирует независимость Литвы. Это тоже конституционное право республики. Исландия пожелала установить с Литвой дипломатические отношения. И опять нам твердят, что это противоречит Конституции СССР. Давайте заглянем в этот документ. Статья 80-я, черным по белому: «Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций». Право устанавливать дипломатические отношения ничем в этой статье, как видите, не ограничено.

— Вслед за Исландией с теми же намерениями выступила Чехословакия. Как вы полагаете, этот процесс признания независимой Литвы будет иметь продолжение?

— Будет или нет, не знаю. Но в том, что он должен иметь продолжение, убеждена. Западные государства никогда не признавали законным присоединение к СССР трех прибалтийских государств. Они совершенно справедливо считали это сделкой Сталина с Гитлером, нарушением всех правовых норм. И были в этом последовательны. Но сейчас, находясь в состоянии влюбленности в Горбачева, в надежде на нашу перестройку, похоже, так и не состоявшуюся, они повели себя весьма странно. Если бы они признали дипломатически Литву с марта прошлого года, когда она объявила о своей независимости, вся линия отношений СССР—Запад пошла бы по другому пути. И я считаю, что это одна из больших ошибок западной дипломатии. Кстати, это ошибка и многих наших демократов, которые считают, что Литва провозгласила независимость якобы несвоевременно. Для наступления свободы неподходящего времени нет.

— Судя по всему, пример Литвы окажется заразительным. После «парада суверенитетов» сепаратистские настроения охватили ряд других республик. И не только в Прибалтике.

— Я думаю, что республики вовсе не должны были столь торжественно провозглашать свой суверенитет. Потому что он и так был предусмотрен Конституцией СССР и конституциями всех союзных республик. Не декларировать надо было, а требовать неукоснительного выполнения закона. А вот что должны были сделать республики, так это раскрыть содержание своего суверенитета. Точно. По пунктам. Суверенное государство должно иметь свою территорию, свою валюту, свои правоохранительные органы и так далее. То есть все, что необходимо для защиты прав своих граждан. Ведь по международным нормам государство существует за счет налогоплательщиков для их защиты. А вовсе не для диктатуры.

Так вот, если говорить о будущем нашей страны, то я бы хотела, чтобы она представляла собой союз по-настоящему суверенных государств. Что-то близкое по структуре и назначению НАТО: оборонный союз, экономическое сообщество.

— Значит, вы за обновленный Союз? И на референдуме 17 марта...

— Позвольте, что значит обновленный? Да еще в сочетании с таким коварным словечком, как «сохранение»? Разве можно так ставить вопрос для референдума? Это же по меньшей мере неграмотно. Сохранять то, что у нас было, я, разумеется, не хочу. А «обновленный» ни о чем не говорит. Как обновленный? На каких условиях? В чем это обновление будет состоять? По крайней мере на эти вопросы я должна получить ответы, прежде чем скажу «да» или «нет». Не понимаю я также, как можно проводить референдум до того, как республики примут свои конституции. Ведь мы даже не представляем, из кого будет состоять наш Союз!

Поэтому референдум, который нам навязывают, является абсолютным обманом. Это еще один хитрый ход, рассчитанный на нашу общую правовую малограмотность. Если большинство скажет «да», то наши власти потом смогут опереться на итоги референдума, получат видимость законности своих дальнейших действий по укреплению империи.

— Итак, вы намерены сказать свое «нет»?

— Я буду бойкотировать референдум. Приду, заберу свои бюллетень, унесу его с собой. И сохраню. Кто знает, может быть, потом можно будет собрать унесенные бюллетени и проверить правильность итогов, опубликованных в печати. Можно было бы и просто не явиться на голосование. Но это даст возможность подбрасывать в урны бюллетени с ответами «да». Не секрет, что нечто похожее произошло при выборах вице-президента Янаева. Это вполне может повториться в более крупных масштабах.

Коротко

Коммунисты Воркуты взывают к президенту

Воркутинская газета «Заполярье» опубликовала «Обращение Совета секретарей первичных партийных организаций Воркуты к генеральному секретарю ЦК КПСС, Президенту СССР Михаилу Горбачеву» с требованиями выступить с законодательной инициативой в Верховном Совете СССР о принятии закона о защите социализма в СССР; «пресечь антисоветскую деятельность во всех ее проявлениях»; ввести на территориях прибалтийских республик прямое президентское правление; «восстановить действие Конституции и законов СССР, как к тому обязывает решение III съезда народных депутатов СССР».

Совет партийных секретарей Воркуты считает, что «проект Конституции Российской Федерации направлен на то, чтобы заменить социалистический строй буржуазным и открыть дорогу к экономической и политической власти капиталистов».

Секретарь парткома шахты «Северная» Леонид Ткаченко отметил, что среди шахтеров обращение не нашло поддержки. Комментируя его, первый секретарь Воркутинского горкома компартии РСФСР Евгений Терещенко заявил: «Я не согласен с некоторыми формулировками, но на 95 процентов поддерживаю обращение секретарей. Мы не должны сегодня поступаться идеей социалистического общества».

«Постфактум».

Комитет Эстонии — против договора с Россией

Комитет Эстонии (рабочий орган Конгресса Эстонии, объединяющего граждан Эстонии до 1940 года и их потомков) на заседании, которое состоялось 14 февраля, проанализировал договор, заключенный между Эстонией и Россией в апреле и ратифицированный затем Верховным Советом Эстонии. Комитет принял решение объявить данный договор «не имеющим юридической силы с момента подписания», так как он «не соответствует политической линии Конгресса Эстонии».

«Интерфакс».

При закрытых дверях

Вчера в Кремле с 10.30 до 13.30 проходили переговоры между Президентом СССР Горбачевым и министром иностранных дел Ирака Азизом. С советской стороны в них приняли участие министр иностранных дел СССР Бессмертных, академик Примаков и два помощника президента — Черняев и Игнатенко.

Последний, прибыв в 15 часов в пресс-центр МИД СССР на «информационное мероприятие по актуальным вопросам внешней политики», был встречен без энтузиазма, так как журналисты ожидали встречи с Тариком Азизом. Выяснилось, однако, что Азиз находится на пути в аэропорт, откуда советским спецсамолетом вылетит в Тегеран, а оттуда поедет в Багдад, где доложит Саддаму Хусейну о Совету революционного командования о выдвинутом Горбачевым плане по урегулированию кризиса в Заливе политическими средствами.

Никаких подробностей нового советского плана у помощника президента узнать не удалось. Все, что было позволено Игнатенко,— это сказать, что новый советский план не является отказом от нашей прежней позиции. В тот же день с предложениями президента были ознакомлены руководители США, Франции, Италии, Ирана, утром состоялся телефонный разговор Горбачева с канцлером ФРГ.

Из явно немногословных ответов на вопросы корреспондентов можно было также узнать о том, что «на переговорах был поднят вопрос о пропавших в Ираке тележурналистах Си-би-эс, один из которых приходится родственником никарагуанскому президенту Виолете де Чаморро», что «план Горбачева — политические меры, которые были с интересом и пониманием встречены иракской стороной», что «Азиз был конструктивен» и что «мы ждем ответа от Ирака в ближайшее время».

Юрий Леонов.

Р. S. По нашим сведениям, более сдержанно оценил итоги визита МИД СССР. Судя по всему, беседа министров особой душевностью не отличалась. В частности, в ходе встречи Азиз—Бессмертных советской стороной было отмечено, что выдвижение Ираком различного рода условий, увязок и оговорок определенно осложняет выход на политическое урегулирование конфликта. Нужны, заявил своему визави Бессмертных, дальнейшие конкретные шаги, продиктованные реализмом.

«ЧГ».

Коротко

С «математическим политологом» Сергеем КУРГИНЯНОМ корреспондент «НГ» Михаил Ланцман побеседовал в кулуарах IV съезда народных депутатов СССР. Недавно Кабинетом министров подписан документ о создании вневедомственной государственной корпорации «Экспериментальный творческий центр», президентом которой является Кургинян. (Подробнее о деятельности ЭТЦ на стр. 4.)

Из досье «НГ»

— Вы представьте, что такое КПСС, которая управляла всем? Все остальные структуры были фиктивны. Это миллиона полтора комнат, в каждой телефон, и сидит кто-то, какой-то хмырек. Они все между собой связаны проводами. И каждый сигнал, который шел от генсека, попадал в каждую точку. Это и называется тоталитаризм. Когда я управляю адресно, то примерно 250 тысяч парткомов я прозваниваю в течение дня, и они доводят до 18 миллионов коммунистов, то есть до 20 процентов работающих. И дальше эта машина начинает вертеться. Теперь все эти провода разрезаны. Чем он их хочет заменять? Он может сделать только одно: в каждый партком посадить своего комиссара или, будучи президентом, действовать через генерального секретаря, восстанавливая старую структуру.

На самом деле были две структуры: партийная и государственная. Как только партийная исчезла, Рыжков уже был потоплен автоматически, он ни через что уже не мог управлять. Он кое-как справлялся, пока сидела партийная структура, сейчас у него инфаркт. А он на четыре порядка сильнее как хозяйственник, чем те люди, которые сейчас приходят.

— У вас есть альтернативный план нормализации ситуации в стране?

— Конечно. Оперативно восстановить порядок за две недели, но только в ситуации, когда будет объявлено чрезвычайное положение.

— В чем оно будет выражаться?

— Только в одном. Чтобы все хозяйственные команды, исходящие из единого центра, неукоснительно выполнялись на протяжении четырех месяцев.

— А какая сила может заставить это сделать?

— Прямая дисциплина, наказание, снятие с работы, отдача под суд, ничто больше.

— А как заставить рабочего у станка?

— Этого не потребуется, рабочий у станка отлично работает.

— То есть режим чрезвычайного положения касается только руководителей?

— Конечно. При чем тут рабочие, их даже не надо лишать права на забастовку. Просто надо каждого, кто будет нарушать единую команду, вышвыривать из этого дела.

— А для республик?

— То же самое. Для всех: республик, краев, областей.

— Ну, предположим, прокурор Союза приказывает кого-то снять, а прокурор республики отказывается выполнить?

— Значит, надо распустить ВС республики.

— Для этого же нужна военная сила?

— Да какая военная сила. Войди сейчас, скажи: «Караул устал», и они все выйдут и пойдут по домам. Да сейчас захоти какая-то крепкая рука качнуть российский ВС в противоположную сторону — он завтра будет сидеть в любом другом кармане. Это игорный дом, в котором крупье мечет, а все остальные играют.

Пока они играли в политические игры, все было отлично. Они могли перетасовывать Лигачева на Горбачева, КПСС на ССПК (союз солидарности по построению капитализма). Конечно, вся гниль откуда? Из высших эшелонов этой же партии и пошла, антисоветская и антикоммунистическая, тут никаких иллюзий нет. Но главное не в этом. Главное в том, что, пока они играют в любую самую гнилую игру, все нормально. Но когда они начали играть с хозяйством, я понял, что это полный финиш. Они же идеалисты все. Каждая поправка, которую они вносят,— чудовищна, каждый корректив — ужасен. Структуры верхней власти сейчас не соотносятся с нижней. Это же сложная схема управления, а они начали в нее лезть. Кризис, который сейчас существует,— это чистый кризис управления.

— Вы считаете, что нужно использовать партийные структуры, поставив во главе нового человека?

— Партия — это вопрос отдельный. А партаппарат имеет одно свойство — хозяйственное. Он никогда партийной структурой не был. Это государственная структура, тоталитарная, но другой нет. Для меня нет нравственной оценки.

— Но если восстановить старую структуру, заставить ее работать, у власти пропадет стимул что-то менять.

— Это смотря под какую политическую доктрину берется власть.

Что мне не нравится в сегодняшних так называемых правых — они все время кричат: «Ваше величество! Вы гений! Но только введите чрезвычайное положение, давайте чуть-чуть постреляем». Но прежде чем вводить любое положение, надо сказать одну простую вещь: перестройка провалилась. Почему? Были неверны цели или средства, доктрина или стратегия? После того как это будет определено, возникнет база для политического кулака. Тогда можно будет прийти хотя бы к тому, что реально возможно. А вся ложь о консолидации — это наглая ложь. Никакой консолидации. Она может быть только на икре и на сервелате. Может быть гражданский мир, для его достижения нужна сильная группа, которая захочет его осуществить.

А под крики о консолидации запускают механизм гражданской войны. Тем, кто затеял эту игру, все равно, будет ли здесь красный дебил или либеральный болтун. Важно, чтобы эта страна не развивалась. С самого начала были заданы ложные цели, были введены шумы в каналы информации.

— Это сознательно?

— Кто-то сознательно. Я думаю, что часть наших советологов, которая, уезжая отсюда, поклялась мстить этой стране, делает это сознательно. Они уехали, служат в госдепе. Это их вопрос — дестабилизировать эту страну, чтобы решить какие-то глобальные задачи. Я понимаю, какие, они отнюдь не мочиями. У нас это Госплан. Вернуться к куйбышевской системе Госплана во всем, что касается структурной модернизации. Но руки прочь от мелкого предпринимательства! Создать комитет по защите мелкого предпринимательства, как в Испании, льготы давать, ссуды. Предпринимательство защитить. Модернизированную промышленность усилить командностью и административностью.

— Ваше отношение к письму 53-х.

— Меня оно абсолютно не устраивает. Там есть хорошие ребята среди подписавшихся, я чуть не заплакал, когда его прочитал.

— Ходили слухи, что вы один из его авторов?

— Нет. Я могу показать, что я написал. Я никогда не подпишу документа, в котором на такой ноте будут про Горбачева писать.

Если он не признает своих ошибок, то все бессмысленно, все безнадежно, надо сказать, что перестройка закончена. Если этого не сказать, то жить дальше нельзя и работать нельзя. Пока что у них еще есть время покаяться. Я могу процитировать свое письмо: «Страна в опасности. В этот момент становится очевидным, кто есть кто. Какие-то чиновники бегут, как крысы с корабля. Мы в этот момент отбрасываем все идеологические противоречия, все нас разъединявшее ради одной цели — спасти государство хотя бы как систему жизнеобеспечения общества в сложных условиях. Прежде всего отринуть порочный тезис о том, что вы будете конструировать некий новый буржуазный класс из криминальных элементов. Этот класс никогда не будет спасать государство. В нашей стране он антигосударственен по природе, он может только развращать, разворовывать, растлевать, собирая вокруг себя б... и их продажную идеологическую прислугу. Не опираться на этот класс, не консолидировать всех подряд! А объединить все здоровые силы общества в борьбе с этой черной антигосударственностью. Вот ваша задача. Во-вторых, даже Сталин вводил диктатуру под определенную идеологию. Они ничего не говорят народу, не признают своих ошибок, не выдвигают пред ним какой-то модели будущего. В чем главный порок перестройки? В том, что они с самого начала мистифицировали все. Сейчас нельзя говорить на языке «социализм—капитализм».

А язык очень простой: «общенациональная катастрофа, спасение, выживание, цели развития». Что нам реально-то нужно? Я хочу хоть раз в жизни услышать с высокой трибуны не идеологические цели. Потому что рынок — это тоже идеологема. А что я, это от Афанасьева услышу? Это такой же идеолог, они все идеологи, там ни одного человека, который нормальные цели ставит, нет. Страна оказалась в чудовищной ситуации. 70 лет она куда-то там перла, непонятно куда. Сейчас она существует в определенном качестве. Что они предлагают в этой ситуации? Про капитализм забудьте. Во-первых, его там нет. Во-вторых, «семерка» уже объединилась, и думать, что нас пустят туда восьмыми,— это бред. Дальше. Если бы даже они хотели построить нормальный капитализм, кто будет играть роль третьего мира? Капитализм неэффективен без третьего мира. Кто нам даст кусок третьего мира? Где третий мир, пусть они мне его покажут? Если нет, то уже капитализма в таком виде не будет. Тогда что остается? Субколониальное существование.

Все время говорят, что Запад нам поможет. Я хочу спросить: какой у Запада интерес нас развивать? Запад хочет иметь около себя Африку. Они Индию не могут развить, где все проще. Они остановили развитие. Им нужно иметь здесь Ливию, Судан. ЮАР будет Эстония. Южной Родезией будет Армения. А посредине всего этого будут огромные просторы, которые будут стараться вообще не развивать, а превратить в заповедник. Для того, чтобы этого не было, нужно только одно. Дать понять, что жизненный уровень будет ниже, чем на Западе, вводить свои программы развития, давать цели. Положение может спасти группа честных интеллигентов, поклявшаяся в верности государству.

ПЕРЕУЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ

Отложенное заседание СФ СССР состоялось

Виталий Портников

Кремль

На этот раз телеоператорам программы «Время» не пришлось мучиться, отводя объективы в сторону от стола заседаний. В Кремль явились все — и Борис Ельцин, и Нурсултан Назарбаев, и Леонид Кравчук, и Николай Дементей, и Ислам Каримов... Не было, правда, балтийских лидеров, но они-то уже поднялись на ценовую Голгофу и могут сейчас с усмешкою Ликурга следить за усилиями переданных на усмотрение Валентина Павлова руководителей других республик.

Повышение цен не случайно стало главным вопросом заседания Совета Федерации, оттеснив и проблему формирования президентского Кабинета министров, и вопрос о минимальном потребительском бюджете, который должен стать, по существу, первой официальной констатацией критерия бедности в Советском Союзе. Конечно же, нельзя установить этот критерий, не определившись с самой бедностью, то есть с обозначением ее уровня, выраженном в завтрашних «праздничных» ярлычках в витринах гастрономов и универмагов.

Тут-то и оказалось, что максима «Карфаген должен быть разрушен», провозглашаемая всевозможными экстремистами всякий раз, когда речь идет о лелеемом Центром единообразии СССР, блестяще оправдалась и на ценовом примере. Разногласия между республиканскими лидерами, в момент позабывшими об идеологических проблемах, пролегли как раз на той, чуть ли не континентальной границе, где оканчивается производство товаров и начинается добыча сырья для этих благородных целей.

Ясно, что, пройдя сегодня мимо претензий руководителей республик Средней Азии и Казахстана — а грядущее повышение цен сильнее всего ударит и по экономике, и по карману потребителя именно этого региона,— Центр рискует нажить себе немалые политические трудности. Тем более что, гарантируя вывоз сырья, он сегодня фактически не в состоянии обещать импорт товаров из европейских республик. В двойственном положении оказывается и Российская Федерация, сама по себе разбитая на разные «миры», так что нажим И. Силаева на вопросы компенсации вполне оправдан. В определенном выигрыше разве что республики Балтии, Украина и Белоруссия; но последние также могут быть озабочены проблемами «большой» индустрии, которая на Украине, например, как раз сейчас переходит в республиканское подчинение.

Президент дал республиканским лидерам возможность подумать (или одуматься?). Ясно, что их мнение, как никогда, важно для Центра. Ведь осуществить непопулярные меры способно только правительство, имеющее стойкий кредит народного доверия. Кабинет же В. Павлова — небывалый случай в истории!— ухитрился растерять все возможности доверия к нему еще до своего сформирования известным фокусом с 50- и 100-рублевыми купюрами. Так что необходимость прикрыться согласием республик, проводить повышение цен как бы от их имени, очевидна. Но тогда: удастся ли комплекс «ценовых мер» в масштабах, задуманных Центром, и не придется ли отступить от привычного единообразия? Впрочем, все это лишь риторические вопросы: в Кремле не раз доказывали совершенно блестящее умение не отступать даже тогда, когда все позиции уже сданы. Можно лишь представить себе серию тщательно продуманных тактических ходов, итогом которых будет половинчатое согласие партнеров и вновь обретенная жесткая позиция.

Между тем «великолепная четверка» лидеров крупнейших республик Союза, сбогащенная на этот раз пятым участником — узбекским президентом Каримовым, провела собственный «малый» СФ, который некоторые в Центре склонны трактовать как сепаратные экономические переговоры. Однако то, что на этой встрече обсуждался и вопрос о составе союзного правительства, демонстрирует, что Центр далеко еще не сорвал подписания многостороннего межреспубликанского соглашения, которое, по сведениям из хорошо информированных источников, вызывает раздражение Президента Союза и воспринимается им как ведущее звено в цепи действий, направленных на развал СССР. Так что взгляды на будущее объединение, пусть и с взвинченными ценами, у руководителей Центра и республик все еще различны и вряд ли что либо изменится до возобновления заседания СФ, которое наконец-то установит общесоюзный прейскурант нашей жизни.

ЦК КПСС ПОСТАНОВИЛ: КРАСНАЯ АРМИЯ ОСТАНЕТСЯ КРАСНОЙ,
а вместе с ней и войска КГБ,
и войска МВД,
и железнодорожные, и все прочие вооруженные силы в стране

Павел Фельгенгауэр

Армия

События в Восточной Европе — так называемые «бархатные» революции — еще раз доказали, что грош цена той коммунистической партии, которая не может защитить себя силой оружия. Отступление КПСС закончилось тогда, когда деполитизация армии и органов стала пугающе реальной. И февральский (1991 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК утвердил инструкцию «О работе организаций КПСС в Вооруженных Силах СССР», которая распространяется «и на партийные организации войск КГБ СССР, внутренних войск МВД СССР и железнодорожные войска».

В обширном документе ни разу не упомянута официально вроде бы признанная многопартийность: граждане СССР, состоящие на службе в рядах Вооруженных Сил, четко подразделяются, как и в прежние времена, на партийных (коммунисты) и беспартийных. Причем заботливая рука партии в равной степени может быть приложена к судьбе и жизненной карьере «партийных» и «беспартийных» военнослужащих: «Партийные комитеты в соединениях... оказывают помощь первичным партийным организациям в идейно-политической работе с коммунистами и беспартийными, непосредственно взаимодействуют с командованием и военно-политическими органами при решении задач боевой готовности и воинской дисциплины»... «При перемещении коммунистов по службе, представлении к наградам, присвоении воинских званий партийные комитеты могут вносить свои предложения соответствующим командирам (начальникам), основываясь на мнении первичной партийной организации».

Партийные же комитеты в армиях, флотилиях, военных округах, группах войск и флотах, родах войск и видах Вооруженных Сил СССР наделены еще большими полномочиями... «проводят аттестование освобожденных работников партийных комитетов... отстаивают права и интересы коммунистов в воинских и трудовых коллективах, организуют отпор антикоммунистическим, антисоциалистическим выпадам; ...совместно с партийными организациями проводят партийную работу с коммунистами и не членами КПСС в аппарате штабов и управлений». То есть предполагается, что в государственных Вооруженных Силах будут состоять на действительной службе, аттестоваться на очередной чин, вмешиваться во все служебные и прочие дела специальные «освобожденные» офицеры, получающие жалованье из казны одной из существующих в стране партий, по сути — платные политические агенты. Легко представить, что и прочие партии (или некоторые из них) решат на очередном пленуме своего ЦК, что и им нужны платные агенты среди офицерского корпуса армии, флота, КГБ и МВД, для того, чтобы, скажем, пресекать антимонархические или просоветские выпады. Подобное намерение следовало бы признать законными, если, конечно, исходить из правового принципа равенства всех юридических и физических лиц перед законом.

Впрочем, председатель РКП Иван Полозков на том же объединенном пленуме ЦК и ЦКК заявил: «Ни о какой многопартийности у нас сейчас не может идти речи. Есть: КПСС, отстаивающая социалистическую перестройку, которую одобрил и за которую проголосовал наш народ, и есть лидеры с немногочисленными политическими группами, у которых в конечном счете одно политическое лицо — антикоммунизм». И если в армии вдруг появятся подобные отщепенцы, то мудрая инструкция поясняет: «Партийные комитеты... в рамках демократических процедур рекомендуют коммунистов и не членов КПСС на конкретные участки работы и общественной деятельности, способствуют их избранию или назначению». Или, соответственно, неизбранию и неназначению.

Другой верный ленинец, председатель КПК Мао Дзэдун учил, что «власть исходит из дула винтовки». Данная лапидарная квинтэссенция ленинизма вообще и военной политики партии в частности достаточно хорошо известна всем без исключения жителям нашей страны, если не буквально, то уж точно по сути. И, следовательно, то, что подобная инструкция появилась и была принята, мало кого удивит, а вот то, что ее опубликовали в открытой печати,— это новость. В обычае КПСС скрывать подобные, не слишком симпатичные служебные бумаги от непосвященных. Хочется верить, что не все коммунисты, даже и в руководящем звене партии, согласны давить инакомыслие в войсках, прекрасно понимая, что здесь важно где-нибудь начать, а дальше — само покатится. И, не имея уже возможности возражать в открытую, постарались добиться публикации, чтобы общественность могла оказать хоть какое-то сопротивление. Или, что вернее, в нынешние неспокойные времена нарушилась цепь партийной подчиненности, которая обеспечивала негласное распространение и беспрекословное выполнение партийных инструкций. Ведь в подобных бюрократических структурах обрыв в одном месте приводит всю систему в совершенную негодность.

Конечно, возможна и какая-нибудь более сложная комбинация причин, приведших к тому, что КПСС начала давно обещанную контратаку из «последнего окопа» с непривычно открытым забралом, но так или иначе подобную откровенность в принципиальных вопросах можно только приветствовать.

ЭТО ЧИСТЫЙ КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ

Новый таинственный советник вождей о ситуации в стране

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КАРАБАХА

НКАО

Мнение делегации «Апреля»

Александр Анин

ВОСЬМОГО февраля четверо литераторов — членов независимой писательской ассоциации «Апрель» — прибыли из Еревана, где они находились по приглашению Союза писателей Армении, в НКАО, чтобы своими глазами посмотреть, что же происходит в Нагорном Карабахе.

В аэропорту Степанакерта, едва сошедши с трапа, Юрий Черниченко, Тимур Гайдар, Валентин Оскоцкий и Андрей Нуйкин с супругой были отделены от остальных пассажиров и окружены бойцами азербайджанского ОМОНа под началом капитана Гаджиева.

В кабинете командира отряда, после попыток выяснения цели посещения, въезд в город был разрешен лишь контр-адмиралу Гайдару. После его визита в военную комендатуру компанию Гайдару позволили составить народному депутату СССР Черниченко.

В. Оскоцкий, А. Нуйкин и Г. Нуйкина под конвоем тех же омоновцев были препровождены в самолет и отправлены обратно. На днях писатели дали пресс-конференцию в ЦДЛ по итогам своего приключения.

Степанакерт. Казарма. Вся власть Советам! *Фото Василия Шапошникова.*

МНЕНИЯ И ВЫВОДЫ

В. Оскоцкий: Когда в том или ином регионе страны вводится чрезвычайное положение, то, видимо, это делается для того, чтобы гарантировать защиту закона от беззакония, гарантировать защиту человеческой жизни и достоинства. В Нагорном Карабахе все наоборот. Закон бездействует, беззаконие торжествует, человеческая жизнь не гарантирована, и человеческое достоинство попирается. Три часа, что я провел на аэродроме, меня в этом наглядно убедили. И я думал о том, что если эти три часа были мне невмоготу, то как же жить населению Нагорного Карабаха, которое в этой атмосфере унижения живет более трех лет изо дня в день?

Уже вернувшись в Армению, мы ознакомились с ходом сессии Верховного Совета Азербайджана. Выступая на этой сессии, второй секретарь ЦК КП Азербайджана, председатель оргкомитета по Нагорному Карабаху Поляничко, в частности, сказал, что 91-й год объявлен годом Карабаха. Этот год будет последним годом трудностей Азербайджана. Земля Карабаха — наша земля, и мы должны занять ее для наших детей, говорил он.

А. Нуйкин: Мы не будем молчать и свою позицию будем отстаивать. Не исключен упрек со стороны наших азербайджанских друзей, что мы поддерживаем одну сторону в конфликте, где нужно быть осторожными. Боюсь, что мы помогли этим своим невмешательством и еще поможем — если будем прежнюю позицию занимать — не слабейшему, не справедливости, а угнетателю...

Мне кажется, мы можем взять вину на себя. Можно вспомнить Сумгаит и Баку — на какие страшные вещи мы в свое время закрыли глаза и к чему привело наше соглашательство.

Боюсь, то, что сейчас кажется азербайджанскому народу победой,— это и есть его поражение и шаг к нравственной опустошенности, последствия которой могут нести в себе многие поколения и страдать от этого.

Т. Гайдар: Это была насыщенная поездка. Мы были в Степанакерте, побывали в селах, встречались с представителями власти, интеллигенцией, рабочими. Но все время меня преследовало странное чувство, что я это уже видел, и не раз. Этому способствовал пейзаж — горы. Этому способствовала вся атмосфера, и я почувствовал, что снова, в девятый раз оказался в Афганистане. С тем отличием, что Афганистан этот — на нашей земле. Вертолеты, БТРы, солдаты, патрули, население, жмущееся по улицам, сожженная школа, сожженный автобус, первые признаки запустения, глаза людей, глаза наших солдат — все это напоминало войну, беду.

Беда в том, что за спиной у наших внутренних войск, которые подчиняются МВД СССР, находятся соединения ОМОНа Азербайджана, отлично вооруженные, действующие не по распоряжению и не подчиняющиеся командованию внутренних войск. Это создает совершенно особые условия с точки зрения военного.

Министр внутренних дел Азербайджана Асадов на сессии Верховного Совета республики заявил, что имеет вокруг Карабаха 10.000 омоновцев, внутрь добавит еще 600, и войти в Карабах и взять его будет делом техники. Что я могу сказать по этому поводу? Я не думаю, что это «дело техники». Это дело колоссальной крови. И если в Баку думают так решать проблему Карабаха и сознательно готовят пролитие крови — это будет очередная трагедия армянского народа. Но это будет и очередная трагедия азербайджанского народа.

Положение наших войск в Карабахе невероятно сложное. И потому, что они все-таки не вольны в своих действиях, и потому, что стоят между двумя противоборствующими сторонами. Я беседовал с армянами. Они говорили: ваша армия, к сожалению, защищает азербайджанцев. Я говорил с азербайджанцами в Степанакерте, и они говорят: ваша армия защищает армян.

Конечно, не надо думать, что наши войска безгрешны. Это не ангелы, есть плохие ребята, но надо понимать, что положение трудное, и потери они несут, в основном среди офицеров.

Все громче раздаются голоса, что армии надо уходить. Я говорю, что это будет глубоко безнравственное решение. В том кровавом узле, который завязался, умыть руки и сказать «разбирайтесь сами», это будет постыдно.

Сейчас нужна полная правда о том, что происходит. Надо прорывать информационную блокаду. Поэтому возникла идея создать Московский комитет «Карабах—Цхинвали». Но я очень боюсь, что через тире могут появиться новые названия. Задача же комитета — доносить правду, призывать к действию, стоять стеной перед попытками дезинформации.

Ю. Черниченко: Не привлекают к ответственности за убийства только в одном случае — когда идет война. Эта война идет. «Кого вы там будете привлекать? — говорят «холодные» головы. — Кого вы там поймете? Там нет никакого выхода...» Это полная импотенция власти. Власти нет, есть боязнь силы. Сила сейчас накапливается на стороне Муталибова и Поляничко — значит, надо им служить, слушаться и держать ухо востро. Значит, против них — нельзя! Но тогда можно против другого. Это есть дискредитация российского авторитета.

Я думаю, что Карабах — это лаборатория власти: проходит — не проходит, удается — не удается, можно — не можно. В этой лаборатории не прокручивалось одно — права человека. И теперь, если общественность будет потакать желанию полностью изолировать Карабах—есть такое мнение,— она будет соучастницей преступления.

Мы в своем нравственном учете допускаем неравную ценность человеческой жизни и человеческой крови. После 13 января Москва полумиллионным митингом сняла с себя всякое подозрение в том, что согласна с этой кровью и готова кровь Вильнюса принять на себя. Но ведь в ту же ночь в первом часу 13 числа была сожжена деревня Цахкадзор... Мы, намеренно не зная, не прислушиваясь к судьбе этой деревни, берем на себя большой грех. Это значит, что кровь одних не равна крови других. Это и есть имперское, жандармское, гэбешное мышление.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Вы были в Карабахе. Вы видели все это. Какие ваши дальнейшие шаги?

Гайдар: Сегодня мы были у первого заместителя министра внутренних дел Громова. Сейчас очень важно, чтобы обо всем узнал народ. А дальнейшие шаги... Юрий Черниченко — народный депутат СССР, я думаю, он примет какие-то меры.

Оскоцкий: Мы с Андреем Нуйкиным сочли необходимым дать телеграмму Горбачеву, поставить его в известность о факте нашего задержания.

— Обсуждали ли вы с кем-то вопрос о возможности введения президентского правления в Карабахе?

Черниченко: Нам сказали сегодня, что оно есть. Мол, какое еще правление? Юридически его не бывает, оно не описано. А вот чрезвычайное положение, которое там существует,— это и есть правление президента.

Гайдар: В нынешней ситуации, мне кажется, логично было бы ввести президентское правление, при котором находящиеся там внутренние войска признавали бы приказы только президента, и никаких иных вооруженных формирований там быть не могло. Не знаю, планируется ли такое, но, мне кажется, это сейчас один из необходимых шагов.

— Какую роль во всем этом играет КГБ? И на чьей стороне Поляничко и Громов? Они вместе были в Афганистане, здесь все связано, и, наверное, можно однозначно сказать...

Гайдар: Что касается КГБ, я честно говорю: не знаю. Мы не встречались ни с людьми из КГБ Армении, ни с людьми из КГБ Азербайджана. Я знаю Поляничко и Громова — встречался с ними в Афганистане. Сказать, что они целиком стоят на одной позиции, я не берусь. Категорически не берусь.

— Что собой представляет задержавший вас ОМОН?

Черниченко: При нас у одной пожилой женщины вскрыли трехлитровую банку компота и вылили. За бутылку коньяку, которую везут с собой, берут десятку. За кило яблок — пятерку. Это развращенная среда за пределами права и нравственности. С автоматами. А Гаджиев — человек с уголовным прошлым. Кто им дал оружие, кто поменял их нахождение в тюрьме в вохру — тот есть преступник, на мой взгляд.

— Скоро начинается сессия Верховного Совета СССР, где, по обещанию Горбачева, должен обсуждаться вопрос о Нагорном Карабахе. У вас есть конкретные предложения?

Черниченко: Если мне дадут слово, предложения такие: обеспечить возвращение законно избранной гражданской власти, а потом — за ненадобностью — уйти войскам СССР. Думать за народ — БТРом и автоматом — нельзя.

— Говорят: «диктатура не пройдет». Прошла ли диктатура в Нагорном Карабахе? Я имею в виду режим чрезвычайного положения, комендантский час, блокаду автомобильных дорог.

Гайдар: Комендантский час при чрезвычайном положении, когда стреляют,— это необходимая мера. Если мы считаем, что должно быть чрезвычайное положение,— должно быть так. Но — по справедливости. Нельзя изымать в армянских селах охотничьи ружья и посылать туда омоновцев с автоматами. Блокада дорог, с моей точки зрения, нонсенс. Дороги при чрезвычайном положении должны быть открыты, войска же должны контролировать ситуацию.

Черниченко: Я добавлю, что из-за блокады дорог в армянских деревнях нет ни капли горючего для обработки полей, виноградников. Не на чем довезти роженицу до роддома. Люди обращаются за помощью к властям. И комендант Степанакерта полковник Кудрявцев сам «выбивал» одну машину горючего у азербайджанской стороны — в январских событий в Литве. Но то же самое уже три года творится на земле древнего Арцаха. На это внимания не обращалось, хотя все силовые методы отрабатывались именно там.

— А в чем, по-вашему, существо проблемы НКАО?

— Наше политическое руководство утверждало и утверждает, что в Карабахе происходит какой-то межэтнический конфликт. Но никакого межнационального столкновения в Карабахе не происходило и в значительной мере не происходит до сих пор. Сумгаит был межэтническим конфликтом в ответ на политические требования армян Нагорного Карабаха. Но их требования не были направлены ни против Азербайджана как государства, ни против азербайджанских властей, ни против азербайджанского народа. Ответом на эти требования был действительно сумгаитский геноцид, потом — Баку, и были чудовищные действия властей, направленные не против погромщиков, а против других людей. Обо всем этом нужно говорить, но нужно говорить и о том, что этому предшествовало. Так что, с одной стороны, то, что на это обратили внимание,— отрадно. Но, с другой стороны, печально, что пресс-конференция была весьма непредставительна. Даже армянская пресса была далеко не в полном объеме, и не было представителей крупных общенациональных изданий с большими тиражами.

— А вам не показалось, что пресс-конференция приняла характер явно антиазербайджанский?

— Нет. Никакого антиазербайджанского характера не было. Против Азербайджана и азербайджанского народа ничего не было сказано. Были упреки в адрес нынешнего республиканского руководства.

— А разве азербайджанский народ в вопросе о Нагорном Карабахе не стоит на позиции своего правительства?

— Во-первых, и среди азербайджанцев есть разные мнения о Карабахе, как, впрочем, и среди армян. Во-вторых, я настаиваю: если упрекают руководство, это не значит, что присутствует антиазербайджанский оттенок. Простите, это просто безответственное заявление.

— Но ведь на уровне бытового восприятия это выглядит именно так. Ведь газету читают разные люди...

— Вот и нужно писать так, чтобы люди поняли, что говорилось и в какой тональности.

— Что вы скажете по поводу упрека Тимура Гайдара российской власти, заключившей в такой ситуации соглашение о культурных связях с Азербайджаном?

— Упрек в чем-то наивен, но можно понять обостренность писательского восприятия. Вообще же мне представляется, что российское правительство могло бы быть более осторожным в этих вопросах. И, конечно, заключать межправительственное соглашение, пусть не политическое, но именно в этот момент как-то не совсем уместно.

— Россия в карабахской проблеме — третья сторона. Арцах — не территория РСФСР, и без соответствующей просьбы Россия не может выйти с крупномасштабной примиренческой инициативой, но неужели не может идти и речи о каких-то пусть самых осторожных шагах?

— Только в том, что касается взаимоотношений России с той или другой стороной. Здесь мы можем иметь некие приоритеты, изучать более глубоко обстановку в каждой республике, высказывать какое-то свое отношение, но именно в роли третьей стороны, а не третейского судьи.

ДНИ РЕСПУБЛИКИ

Будни и праздники

Игорь Логинов

Литва

НЕСМОТРЯ на затяжные дебаты, в которые затягивает парламент радикальная группировка Чепайтиса, обсуждение кандидатур в парламентские комиссии закончилось избранием умеренных депутатов. В экономическую комиссию избран Бразаускас, председателем комиссии по охране края стал Йонас Ляучюс. Самая многочисленная комиссия просвещения, учебы и культуры состоит из двадцати одного человека. Ее председатель — известный краевед, культуролог Гядеминас Илгунас.

* * *

В прошедшую субботу были вдвое усилены караулы около телебашни и зданий, взятых под охрану в Вильнюсе. День независимости тем не менее не был омрачен никакими инцидентами. Мирные шествия завершились возложением венков на мемориальном кладбище Росу и праздничной службой в кафедральном соборе.

Коротко

Грузия

МИНИСТР иностранных дел республики Георгий Хоштария и руководитель пресс-центра ВС Грузии Леван Алексидзе остановились прежде всего на ситуации в Южной Осетии. «Нам объявлена война осетинами-экстремистами, поддерживаемыми определенными силами в Центре», — подчеркнул Алексидзе. «Война идет между частью грузинской милиции и вооруженными до зубов боевиками», оснащенными даже «новейшим оружием «земля—земля» и гранатометами». Алексидзе отметил, что в Цхинвали энергетики отключили свет, потому что на заводах делается оружие. Пять раз, однако, предлагалось перевезти новорожденных и больных в горийскую больницу или в Тбилиси, но мы получили решительный отказ. Проникнуть же в больницы мы не можем: «Экстремисты Осетии держат новорожденных и больных заложниками». Руководитель пресс-центра грузинского парламента призвал демократическую прессу с большей объективностью освещать происходящее. «Конфликт спровоцирован не грузинами, а выдрессированными боевиками. Этнократии нужна власть, а с кем она связана—мы скоро узнаем. Кулумбеков (председатель облсовета Южной Осетии, избранный лидером провозглашенной «демократической советской республики». — «НГ») арестован и дает показания».

Что же касается возможностей урегулирования конфликта, то Алексидзе, ранее работавший в подкомитете по защите меньшинств комиссии ООН по правам человека, предлагает несколько вариантов. «Пусть силы МВД разоружат грузинских боевиков, если их там найдут, но и осетинских тоже»,— считает он. Так как «ликвидацию автономии народ воспринял с большим удовлетворением», выдвигается вариант «национально-культурной автономии осетин по всей Грузии». «Политические же автономии», по мнению Алексидзе, «нарушают территориальную целостность государства. В РСФСР стоят перед такой же тяжелой и страшной проблемой.

Виталий Портников.

Союз

«МЫ ХОТЕЛИ бы заявить вашему народу, что разделяем стремление народов балтийских стран к независимости»,— сказал на пресс-конференции, состоявшейся в ВС РСФСР сразу же после встречи в Борисом Ельциным, руководитель делегации американских конгрессменов и сенаторов Стейни Хойер. Это стремление гости связывали с развитием демократизации и перестройки, осуществлением прав человека в Советском Союзе. «Если этот процесс притормозится, отношения между США и СССР окажутся под угрозой»,— считает С. Хойер, высказав тем не менее надежду, что «гигант политики президент Горбачев присоединится к другим, чтобы продолжать эти процессы».

Парламентарии были «глубоко разочарованы» отказом президента от встречи с ними. Но они не стали расшифровывать или комментировать причины этого отказа. Примерно те же эмоции вызвала у конгрессменов встреча с группой депутатов ВС СССР во главе с Р. Нишановым, проведенная «на языке до гласности, до перестройки». С. Хойер заявил на этой встрече: «Чтобы сохранить сталинские границы, надо ввести сталинскую тиранию. Если это на самом деле случится, это будет трагедия для всего мира, для балтийских стран, для всех республик СССР».

Конгрессмены подчеркивали, что будут прилагать усилия для поддержки сил, которые способствуют демократизации СССР. «Ельцин является той силой, которая сможет продолжать процесс демократизации и перестройки, уже приведший к столь заметному улучшению отношений между США и СССР»,— говорит С. Хойер. Парламентарии подчеркнули, что будет подготовлено официальное приглашение от имени конгресса председателю ВС РСФСР посетить Соединенные Штаты. Они утверждали, что Ельцин является «самой важной политической фигурой в мире, лучшим выразителем стремлений к свободе и демократии».

По мнению С. Хойера, для «сохранения пошатнувшегося авторитета Горбачева ему следовало бы вывести войска из занятых гражданских объектов в Латвии и Литве и потом начать реальные переговоры с балтийскими странами по существу».

Айнарс Димантс.

Коротко

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Сможет ли Москва встать между Вильнюсом и Рейкьявиком?

Сергей Семендяев

Литва

НА прошлой неделе из Рейкьявика пришло сообщение, которое наша пресса не то чтобы не заметила, но оставила без должного внимания. Речь идет о резолюции альтинга (парламента) Исландии, в которой содержался призыв к установлению прямых дипломатических отношений с независимой Литовской Республикой.

Думаю, всем очевидно, что резолюция исландских парламентариев появилась не случайно и была принята в нужный момент. Это своеобразный пробный шар, запущенный с целью внимательного изучения реакции советского руководства на возможное дипломатическое признание Западом суверенной Литвы. Западные страны предоставили Союзу достаточно времени после прошлогодней декларации Ландсбергиса для решения литовской проблемы своими собственными силами и внутри страны. Однако Горбачев, такой гибкий и инициативный политик на внешней арене, здесь занял жесткую, практически бескомпромиссную позицию. Поскольку американцы, англичане и французы заняты конфликтом в Персидском заливе, инициативу проявили северные страны Европы, для которых советская Прибалтика — регион особого интереса. И не случайно в роли дипломатического первопроходца выступила Исландия. Страна небольшая, сколько-нибудь серьезного влияния на мировую политику не имеющая, стоящая в стороне от традиционного противоборства Запад — Восток, но ближе к Западу. В том случае, если признание Исландией независимой Литвы состоится, то на Западе не преминут воспользоваться этим в своих интересах. Если же из этой затеи ничего не выйдет, то дело очень легко представить так, что Исландия действовала на свой страх и риск.

Однако что реально могут предпринять советское руководство и МИД, чтобы предотвратить установление прямых дипломатических отношений между Вильнюсом и Рейкьявиком? Ни о каком политическом, тем более экономическом давлении не может быть и речи хотя бы потому, что Кремль не располагает такими рычагами: это островное государство никогда не находилось в сфере его интересов. Значит, остаются дипломатические каналы. Здесь возможны различные формы воздействия на оппонента, из которых крайней является разрыв дипломатических отношений. Безусловно, на такой шаг советский МИД не пойдет, во всяком случае, вероятность этого решения очень и очень мала. Консультации же, ноты и переговоры вряд ли заставят исландских парламентариев пересмотреть свою резолюцию в отношении Литвы. Правда, советское руководство может обратиться за помощью в различные международные организации вплоть до ООН, но, скорее всего, серьезной поддержки это обращение там не получит. Позиция Запада по Прибалтике известна: мы не считаем нужным признавать независимость прибалтийских государств, так как мы никогда не признавали их частью Советского Союза. А мнение других членов мирового сообщества, хотя его и нельзя сбрасывать со счетов, вряд ли может реально повлиять на исландский альтинг, к тому же трудно предположить, что это мнение будет однозначно на советской стороне.

Таким образом, Кремль остается один против двоих: Вильнюса и Рейкьявика. Причем он оказывается в роли того медведя из сказки, который с дубинкой воевал против одолевших его комаров. И нет у него союзников в борьбе против этого тандема: союзное руководство называет прибалтийский процесс сепаратизмом, Запад — восстановлением государственной независимости; здесь трудно найти общий язык. Последствия же дипломатического признания Литвы куда более серьезны, чем может показаться на первый взгляд.

Если решение об установлении дипломатических отношений с Литвой будет принято (окончательно это должно решить исландское правительство), то в Рейкьявике появится литовское представительство. Однако в Вильнюсе посольство Исландии не будет открыто, во всяком случае, пока. Дело в том, что согласно нормам международного права нельзя открывать дипломатическое представительство в стране, которая не контролирует свои собственные границы, т. е. оккупирована, как, например, Кувейт. Следовательно, официальное признание Литвы поставит ее в одно положение с тем же Кувейтом, что переводит разговоры об аннексии Прибалтики Союзом совсем в другую плоскость. Этого не могут не понимать в Кремле и поэтому должны стремиться не допустить дипломатического признания Литвы. Но как? Подождем — увидим.

Ратификация состоялась

Союзный договор — на очереди

Игорь Синякевич

Белоруссия

В БЕЛОРУССИИ сложилась парадоксальная ситуация, когда парламент не утверждает некоторые решения им же избранного правительства. Еще на этапе формирования Совета министров Верховный Совет Белоруссии отверг «схему» кабинета, которую предложил уже избранный премьер В. Кебич.

Кроме того, на политическую ситуацию в республике влияют общесоюзные политические реалии. Центр стремится преодолеть центробежные тенденции, и Белоруссия, растерявшаяся было от нахлынувшей самостоятельности и вынужденная заключать горизонтальные договоры, рада возможности «поделиться» ответственностью с Центром. Например, решение о проведении союзного референдума на территории Белоруссии было легко принято Президиумом ВС. Однако этот вопрос предварительно не обсуждался в парламенте. Все это давало повод для довольно пессимистических прогнозов, касающихся ратификации договоров с Россией, Украиной и Казахстаном, однако вопреки им все прошло успешно. Заверения разработчиков, что четырехстороннее соглашение не противоречит заключению нового Союзного договора, сыграли свою роль, и за ратификацию проголосовали как сторонники, так и противники «обновленного Союза».

Зато обсуждение концепции самого Союзного договора выявило весь спектр разногласий. Руководитель делегации по подписанию договора В. Шолодонов подверг критике концепцию, предложенную Центром. Выступавший следом член ЦК КПБ В. Тихиня настаивал на принципе федерализма в устройстве будущего Союза. Депутаты от оппозиции говорили о невозможности одновременного существования двух суверенитетов — республики и Центра.

В целом дебаты шли вокруг двух концепций: федерация или конфедерация. Партийное большинство заметно склоняется к принципу федерализма. Пока голосование по постановлению о концепции Союзного договора отложено.

Не пугайте народ, господа депутаты!

Хлебная паника обернулась хохмой

Вадим Летов

Молдова

В ПАРЛАМЕНТЕ Молдовы идет обсуждение тесно переплетенных между собой вопросов о республиканской концепции Союзного договора и о всесоюзном референдуме. На непримиримые группировки разделились депутаты, бурлит и площадь возле ВС республики. Люди слушают по транзисторам трансляцию заседания сессии и тут же наперебой дают оценку.

И вдруг эта фронда резко поредела. В чем дело? Депутат В. Максута перед перерывом на обед заявил, что, пока дела в республике подменяются говорильней с трибуны, Молдова начинает ощущать явный дефицит даже самых необходимых продуктов, в частности муки на хлеб, которой в республике осталось всего на два дня. В течение последующих двух часов люди опустошили прилавки хлебных магазинов. Но сразу же после перерыва в парламенте попросил слова депутат А. Цуркан, генеральный директор департамента по заготовкам и хлебопродуктам. Он сказал, что информация депутата Максуты недостоверна, что в республике сегодня имеется трехнедельный запас муки; что в Одессе под разгрузкой находится сухогруз с мукой, и это позволит увеличить запас еще на одну неделю; что Россия направила в Молдову состав с твердой кубанской пшеницей; что и Казахстан намеревается продать Молдове зерно для хлебопекарен. Короче, Максута, ты не прав! Тут и узналось, что депутат Максута оговорился: он имел в виду фураж для скота, коего в Молдове, перенесшей прошлым летом засуху, действительно не хватает. Но крупный рогатый скот не паникует — он лишь голодно мычит. И тогда председатель ВС Молдовы А. Мошану сказал в микрофон:

«Господа депутаты, не пугайте народ...»

ЭКОНОМИКА

ДИВИДЕНДЫ С «ТОРГОВЛИ СТРАХОМ»

Покупателем «аналитической» продукции Экспериментального творческого центра всегда выступали высокие партийно-государственные инстанции. Сегодня на этот товар не только вырос спрос «наверху», но и, очевидно, увеличилось вознагражденье. Публикуемый документ был подписан 12.02.91 премьером Павловым без единой визы. Затем, «задержан» управделами Совмина и после письма из Госкомиссии по экономической реформе несколько «вычищен».

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИИ «ЭКСПЕРЕМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 26 октября 1990 г. № 1096 «Вопросы экспериментального творческого центра» для достижения целей эксперимента и реализации проектов и программ вневедомственного межотраслевого культурно-научно-производственного комплекса-корпорации «Экспериментальный творческий центр» Кабинет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить прилагаемые Основные условия деятельности вневедомственного межотраслевого культурно-научно-производственного комплекса-корпорации «Экспериментальный творческий центр» (в дальнейшем именуемой корпорацией) с местонахождением рабочего аппарата корпорации в г. Москве.

2. Государственным органам планирования и материально-технического снабжения выделять корпорации начиная с 1991 года централизованно распределяемые ресурсы, необходимые для выполнения работ и услуг по государственным заказам.

3. Предоставить корпорации право принимать решения о выезде делегаций и специалистов в служебные командировки в зарубежные страны, получать въездные и выездные визы в Консульском управлении МИД СССР.

4. Одобрить инициативу корпорации по созданию в ее составе:

научно-исследовательских организаций по вопросам социально-экономического развития, общественной безопасности, правопорядка;

высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведений, в том числе по новым специальностям и областям знаний;

центров и организаций культуры;

молодежных спортивных клубов и секций.

Финансирование расходов на указанные цели осуществляется за счет собственных средств корпорации, привлеченных средств и из иных источников.

Разрешить Министерству обороны СССР, Министерству внутренних дел СССР, Комитету государственной безопасности СССР прикомандирование к корпорации соответственно до 6, 8 и 5 человек офицеров и лиц начальствующего состава с оставлением их на действительной военной службе (в действующем резерве) в порядке и на условиях, предусмотренных действующими решениями Правительства СССР.

Для решения специальных целевых задач разрешить корпорации включать в состав временных рабочих групп лиц офицерского и начальствующего составов по согласованию с Министерством обороны СССР, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР.

Государственному комитету СССР по народному образованию, Министерству культуры СССР, Государственному комитету СССР по физической культуре и спорту рассмотреть совместно с корпорацией ее предложения о создании соответствующих организаций и принять участие в оформлении необходимой документации.

5. В целях привлечения корпорации к реализации Государственной программы конверсии оборонной промышленности разрешить Министерству обороны СССР, министерствам и ведомствам, участвующим в процессе конверсии, создавать совместные с корпорацией предприятия и производства с использованием высвобождающихся при конверсии производственных мощностей.

6. Одобрить проект-концепцию единой научно-культурной зоны «Вспольный переулок». Поручить корпорации продолжить работу по реализации концепции. Рекомендовать Мосгорисполкому оказывать содействие в осуществлении принятых проектных решений.

7. Корпорация является правопреемником Экспериментального творческого центра при Мосгорисполкоме, в том числе по правам владения, пользования и распоряжения всеми его основными фондами и оборотными средствами.

Премьер-министр В. ПАВЛОВ.
Управляющий Делами М. ШКАБАРДНЯ.

ТОВАРИЩУ ПАВЛОВУ В. С.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Уважаемый Валентин Сергеевич!

Вами подписано постановление Кабинета Министров СССР по вопросам деятельности корпорации «Экспериментальный творческий центр», создающего, по моему мнению, нежелательный прецедент с крайне негативными последствиями.

1. По сути своей постановление носит откровенный фискальный характер и при этом не содержит положений, позволяющих усмотреть государственную полезность деятельности названного центра.

2. Широкий набор льгот, предоставляемых этой организации, никоим образом не связан с ее основными задачами и функциями и не имеет под собой экономических обоснований.

В частности:

а) пункт 2 предусматривает обязательное государственное централизованное материально-техническое обеспечение этой вневедомственной организации, реализующей свою продукцию по свободным ценам;

б) пункт 3 разрешает получать въездные и выездные визы непосредственно в МИДе, т. е. в порядке, установленном для международных, правительственных и ряда других организаций;

в) пункт 4 освобождает товары, производимые корпорацией и ввозимые ею, от налогов на экспорт и импорт без определения и ограничения набора этих товаров (по своему назначению корпорация не благотворительная организация);

г) пункт 5, по существу, разрешает корпорации создавать организации общественной безопасности, правопорядка, высшие учебные заведения в обход установленных правил образования таких учреждений и лицензирования их деятельности;

д) пункт 6 освобождает корпорацию и ее участников от уплаты налога с оборота, что вообще выходит за рамки компетенции Кабинета Министров СССР (налог с оборота — источник доходов республиканских бюджетов);

е) пункт 7 разрешает не устанавливать предельные уровни рентабельности при налогообложении, не учитывая свободного ценообразования, что экономически неоправданно;

ж) пункт 9 разрешает корпорации самостоятельно определять состав затрат, включаемых в себестоимость, что ставит под сомнение вообще всю систему бухгалтерского учета и контроля.

3. Основные условия деятельности, которые прилагаются к постановлению, содержат также большое число противоправных и экономически неоправданных норм.

4. Такой документ неизбежно будет взят на вооружение различными «предпринимателями», он будет использован и в борьбе с Кабинетом. Абсолютно уверен, что депутат СССР Бочаров М. А. (президент фирмы «БУТЭК»), которому было отказано в более скромных притязаниях, развернет целую кампанию по обвинению Правительства в личных симпатиях к тов. Кургиняну — руководителю центра.

Считаю своим долгом довести эти соображения до Вашего сведения и поставить вопрос о служебном несоответствии лиц, визировавших данный проект.

С. АССЕКРИТОВ,
зам. председателя Государственной комиссии по экономической реформе.

С. Кургинян с «крестным отцом» ЭТЦ, членом политбюро Юрием Прокофьевым.
Фото Владимира Федоренко.

Образцы аналитической продукции ведомства Кургиняна

ПО ПОВОДУ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СЕКРЕТНОГО ДОПОЛНЕНИЯ» К ПАКТУ МОЛОТОВ—РИББЕНТРОП.

ЭКСПЕРТНЫЕ оценки политологов из СССР, ГДР, ПНР, Франции позволяют построить модель возможного разворота событий при условии признания со стороны СССР наличия этого «секретного дополнения».

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

Замыкание «западной дуги» социально-психологической напряженности в пределах СССР. Обострение ситуации в Западной Украине и Западной Белоруссии. Еще большая активизация униатского движения. Эскалация проблемы УБЛ (Украины—Белоруссии—Литвы—«литовский интерес»). Ответ на эскалацию «самостийных», антирусских движений и их распространение на всю территорию Украины и Белоруссии.

ВТОРОЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

В условиях смысловой безвыходности и апатии резкое подхватывание широкими слоями польского населения лозунга «Великой Польши». Эскалация польских претензий к СССР, разыгрывание «Солидарностью» националистической «карты» в интересах «поднятия духа польского народа». Поддержка со стороны Ватикана. Возможный визит Бжезинского.

ТРЕТИЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

В условиях «буферной зоны» социально-политического напряжения на территории СССР и «польского толчка» расшатывание Варшавского блока по принципу «домино».

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП ДИСТРУКЦИИ

Соединение двух немецких государств и предъявление объединенной Германии территориальных претензий к Восточной Европе.

ПЯТЫЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

По мере нарастания экономического и политического кризиса в пределах СССР — «мягкая аннексия» территорий.

Сходные модели описывались в ряде политологических концепций. Сходные в смысловом плане сценарии существуют и для южных и восточных регионов СССР.

Подтверждением вышесказанному может служить обеспокоенность прежде всего со стороны определенных французских кругов возможным признанием «секретного дополнения». Достаточно прозрачная динамика событий в Польше. Высокая роль пронемецких элементов в неформальных движениях на севере Прибалтики.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАКЕТ ДОКЛАДА В. Т. САЙКИНА (БЫВШЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСГОРИСПОЛКОМА).

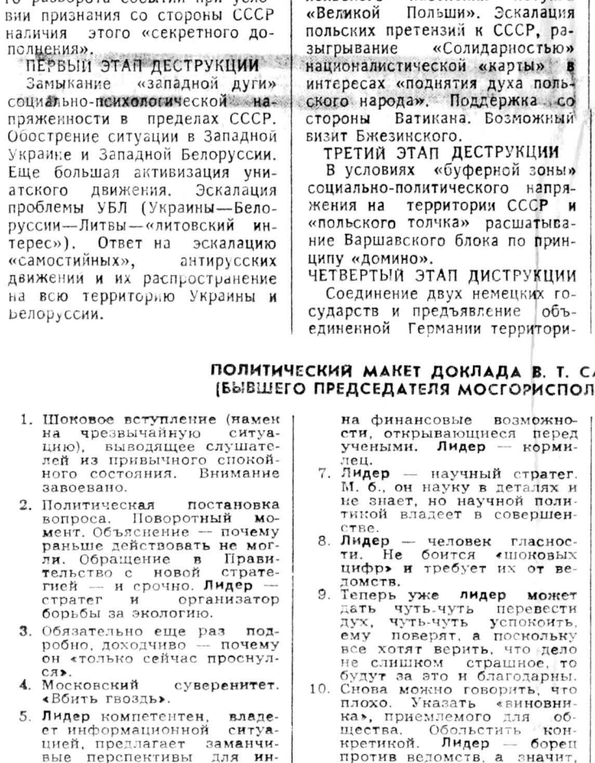
1. Шоковое вступление (намек на чрезвычайную ситуацию), выводящее слушателей из привычного спокойного состояния. Внимание завоевано.
2. Политическая постановка вопроса. Поворотный момент. Объяснение — почему раньше действовать не могли. Обращение в Правительство с новой стратегией — и срочно. **Лидер** — стратег и организатор борьбы за экологию.
3. Обязательно еще раз подробно, доходчиво — почему он «только сейчас проснулся».
4. Московский суверенитет. «Вбить гвоздь».
5. **Лидер** компетентен, владеет информационной ситуацией, предлагает заманчивые перспективы для интеллигенции, в том числе и финансовые. Естественно, взамен на политическую поддержку. Пока что еще только намек на научную стратегию, но уже ясно, что на мякине не проведешь.
6. Лозунг «сплочения сил» верха и низа. Естественно, вокруг тех, кто его произносит. Прямое указание на финансовые возможности, открывающиеся перед учеными. **Лидер** — кормилец.
7. **Лидер** — научный стратег. М. б., он науку в деталях и не знает, но научной политикой владеет в совершенстве.
8. **Лидер** — человек гласности. Не боится «шоковых цифр» и требует их от ведомств.
9. Теперь уже **лидер** может дать чуть-чуть перевести дух, чуть-чуть успокоить, ему поверят, а поскольку все хотят верить, что дело не слишком страшное, то будут за это и благодарны.
10. Снова можно говорить, что плохо. Указать «виновника», приемлемого для общества. Обольстить конкретикой. **Лидер** — борец против ведомств, а значит, союзник общества. Организатор борьбы. Вместе с тем ведомства благодарны, поскольку он не называет фамилий. Семьи не любят слышать их по ТВ. Все остальное — достаточно безразлично.
11. Экологическая картина города — «дети у всех есть».
12. Лидер скупо говорит о действиях; оказывается, он нас спасал, а мы-то и не знали. **Лидер** — автор спасительной стратегии. То, что стратегия экономическая, всем понятно. Конкретные предложения доступны пониманию обывателя и завлекательны. **Лидер** — менеджер. До сих пор ему мешали проявиться.
13. **Лидер** — персональный спасатель, с ним персонально связано спасение от ряда непоправимых бедствий («Садовое кольцо»). Его не будет — все задохнемся. **Лидер** — вожак в случае бедствия. («Тут нужен сильный человек», «армейского склада»).
14. Вместе с тем **лидер** — культурный человек, знает эстетику, психологию восприятия (дети, природа). Предыдущий кусок смягчен, стало приятно. **Лидер** против аппаратной секретности. Он хозяйственник, а не аппаратчик. «Не сталинист». Вместе с тем трезвый человек. **Охранитель** от бедствия. (Еще раз об этом — обязательно). В результате — поле для любого маневра.
15. Политическая концовка, замыкающая политическое вступление.

Пусть читатель сам сравнит этот документ, распространением которого занимался ЭТЦ еще осенью 1989 года, с отрывками из выступления экспертов ЭТЦ С. Кургиняна и В. Овчинского, опубликованного в «Московской правде» 1 февраля.

...Рядовые жители нашей страны, возьмите голову в руки! Не дайте себя обманывать! Ничего не берите на веру! Все — намного сложнее, нежели вам это представляется! И — страшнее! И — подлее! Так хотите ли вы знать правду о Вильнюсе?..

* * *

...Немедленно в Литву были вызваны специалисты высшего класса из спецслужб ФРГ и США. <...> «Китов» вызвали на большую игру. Кстати, при этом под видом гуманитарной помощи ввозили самое современное вооружение — от стингеровских ракет до боевого оружия с повышенной летальностью, для которого титановые бронежилеты десантников — это, увы, вчерашний день. <...> Итак, ЦРУ начало в Литве контригру...



ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ О ТБИЛИСИ!

По данным экспертов Организации Объединенных Наций тт. Лошадкина Н. А., Горбовского А. Д., а также множества комиссий (советских и международных)

НИ НА ОДНОМ ТЕЛЕ

погибших в Тбилиси 9 апреля 1989 года

КОЛОТЫХ, РУБЛЕНЫХ, РАЗМОЗЖЕННЫХ РАН НЕТ!

Ужасы с окровавленными лопатками — вымышлены.

КЕМ И ЗАЧЕМ?

Огнестрельные ранения мирному населению нанесены оружием неизвестного образца!

Эксперты категорически отрицают возможность смерти людей из-за применения химических веществ!

Они приводят непререкаемые доказательства того, что:

— специально обученные боевики готовились к сопротивлению;

— в ряде точек боевики опрокинули войска, но их самих «устроили кровавую баню».

Итак, невинными жертвами войск назначены отряды хорошо подготовленных боевиков.

Люди погибли не от рук военных, а были раздавлены сопротивляющейся толпой.

ТРЕБУЙТЕ ДАННЫХ, ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ

Не сказок и инсинуаций, а фактов, аргументов и точных цифр!

Почему не прерывается цепь лжи?

Почему лгут некоторые депутаты?

Почему и кто заинтересован, чтобы всю ответственность свалить на военных?

Почему вдохновители национализма и экстремизма стали героями?

Требуйте показа ленинградской передачи от 8 декабря 1989 года по Центральному телевидению!

Требуйте объективных данных, всеобщей гласности расследований, проведенных специалистами!

Требуйте фактов, а не измышлений!

ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ

Из досье «НГ»

Кто есть кто

ПРЕЗИДЕНТ вневедомственной государственной корпорации «Экспериментальный творческий центр» Сергей Кургинян. По образованию — инженер-геофизик, кандидат физико-математических наук. Организовал и возглавил любительский драмколлектив, в 1987 году преобразованный в театр-студию «На досках». Получил режиссерское образование. С 1987 года — член КПСС. Представляется «математическим политологом».

Перемещения на политическом поле

В 1988 году при поддержке секретаря исполкома Моссовета Юрия Прокофьева на базе театра был создан творческий центр. В 1989 году преобразован в ЭТЦ при Мосгорисполкоме — при поддержке второго секретаря МГК КПСС Юрия Прокофьева. Первые «аналитические записки» от «экспертов» ЭТЦ на имя члена политбюро ЦК КПСС, председателя Президиума ВС РСФСР В. Воротникова через его помощника Г. Пирогова. Однако попытка таким образом придать ЭТЦ республиканский статус окончилась неудачей.

Осенью 1988 года Юрий Прокофьев становится вторым секретарем МГК и одновременно потребителем «аналитических записок», а Сергей Кургинян — его доверенным лицом на проигранных выборах в народные депутаты СССР.

Через аппарат ЦК КПСС «экспертами» ЭТЦ подготавливаются «аналитические записки» по межнациональным конфликтам в Закавказье.

Безрезультатный выход на члена политбюро Вадима Медведева.

Переломный момент в становлении «политолога» Кургиняна — контакт с «обновленной» редакцией «Литературной России», публикация цикла статей «О механизме соскальзывания». Что, в свою очередь, предопределило участие в выборах в народные депутаты РСФСР по спискам патриотического блока и провал на них.

Одновременно — тесные контакты с интердвижениями и ОФТ, поездка в Литву и представление «аналитических записок» по каналам первого секретаря МГК Юрия Прокофьева во все компетентные органы. Очевидно влияние на документ ЦК КПСС по Литве августа 1990-го (см. «НГ» № 12). В конце 1990 года Политиздат выпускает книгу «Пост-перестройка», написанную «экспертами» ЭТЦ (С. Кургинян, П. Гончаров, В. Овчинский и др.)

Осень 1990-го — выход на союзное правительство на фоне массовых требований об его отставке и борьбы вокруг программ перехода к рынку. Выступление на совминовском брэйнсторминге в сентябре 1990 года. Основные тезисы: оборот мафии в СССР — 900 млрд. рублей;

Шаталин и Явлинский — «агенты международного капитала»;

«эксперты» ЭТЦ имеют информацию о плане террористических актов — необходимо провести превентивные аресты.

Ноябрь 1990-го — февраль 1991-го — подготовка документов по вневедомственной корпорации ЭТЦ.

Январь-февраль 1991-го — тесные контакты с главой Кабинета министров при президенте Валентином Павловым. Прямое цитирование премьер-министром «аналитических записок» «экспертов» ЭТЦ.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ, данных Багаряцким Б. Б., бывшим исполнительным директором ЭТЦ, следователю Главного следственного управления Мосгорисполкома М. В. Оршанскому:

«Летом, в конце июля, мы с П. Гончаровым в очередной раз обсуждали тревожившие нас «странности» Кургиняна. Тогда Гончаров и определил стратегию и тактику Кургиняна как «крайнюю степень» политического цинизма.

Я с этой формулировкой согласен и по сию пору. Однако считаю, что речь должна идти о «крайней степени цинизма» вообще. Цинизм этот проявляется как в отношении к людям, индивидуумам, каковые для Кургиняна всегда были и есть не цель, но средство, как и в отношении к ЭТЦ, который, при всех провозглашавшихся вслух целях, также всегда рассматривался Кургиняном как средство, в частности, как источник финансирования его политических амбиций, и наконец перемещений на политическом поле... Схема его проста: «играть» с левыми не хватает профессионализма. У крайне правых же везде и всегда был дефицит в интеллектуалах. Вот там-то и можно попробовать реализовать свою страсть выбиться в лидеры, в «спасители отечества», все, к чему Кургиняна гонит не жажда власти, в которой его иногда подозревают, а самая банальная, хотя и крайне гипертрофированная мания величия».

Из досье «НГ»

Образцы аналитической продукции ведомства Кургиняна

ИЗ ЗАПИСКИ С. КУРГИНЯНА НА ИМЯ ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВС РСФСР т. ВОРОТНИКОВА В. И.

УВАЖАЕМЫЙ Виталий Иванович!

На протяжении последних полутора лет руководимый мною Московский экспериментальный творческий центр проводит комплексный (социологический, экономический, психологический, политологический) анализ экстремальных состояний в ряде регионов как на территории РСФСР, так и по всей стране в целом.

Полученные нами результаты вкупе с событиями последних полутора месяцев побуждают меня обратиться к Вам и поделиться как результатами проведенного анализа, так и личными впечатлениями...

...Коль скоро в общественном сознании совмещаются сталинизм и фашизм, а антисталинизм как общественное движение «абонируется» (в своих крайних проявлениях) союзом теневых дельцов и политических спекулянтов, то всякая борьба с этим союзом (в любом проявлении) оказывается дискредитированной.

Территориальный хозрасчет, экономическая демократия, кооперативное движение, все элементы нового хозяйственного механизма существуют не в безвоздушном пространстве. Идеологический контекст играет здесь решающую роль. В здоровой идеологической атмосфере эти инновации ведут действительно к оздоровлению экономики. В больной — они могут привести к еще большему ее распаду. Территориальный хозрасчет в этом случае становится по сути механизмом «экономических насечек», устраняющих последние «ребра жесткости» и облегчает отламывание и без того уже не слишком тесно связанных в союз территорий.

Кооперативы, взятые под контроль мафии, являющейся единственным конкурентом государства в плане концентрации стартового капитала, служат для «отмывания» полученных криминальными путями денег.

Экономическая демократия вне учета политических приоритетов есть демократия для той же мафии. А в силу неравности прав кооперативных и государственных предприятий может служить для деструкции экономики в целом.

Такие «метаморфозы» можно было бы перечислять долго.

Единственный выход: оставаясь в русле демократии, дать активный ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ отпор идеологической деструкции. Время и так уже упущено, и действовать необходимо незамедлительно...

При этом возникают две ключевые проблемы: во-первых — КТО БУДЕТ ГОВОРИТЬ?, и во-вторых — КТО БУДЕТ СЛУШАТЬ?

...И здесь возникает второй вопрос: кто будет говорить. Сколь бы мы ни улучшали наш аппарат, какие бы новые люди ни приходили туда, все равно без дополняющей его альтернативной структуры не обойтись. Нужны социальные лидеры, способные вести идеологическую борьбу в условиях демократии самостоятельно и с полной ответственностью, способные интеллектуально конкурировать с лидерами антисоциалистической ориентации...

О МЕХАНИЗМАХ ЭСКАЛАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СССР

...КРИЗИС лидерства <...> Национальный лидер всегда присутствовал, и им был, разумеется, русский этнос. Это с особой силой проявилось уже в послевоенный период, начиная со знаменитого тоста за русский народ <...> Рассматривая русский этнос как лидирующий, мы должны анализировать все уровни потери им лидерства, особенно ярко проявившиеся в последние несколько лет. Говоря с позиций чистой доминантности, мы должны рассмотреть, как выглядит в глазах малых социумов соотношение двух суперлидеров — Америки и России. В общественном сознании закрепился образ России, как страны безусловно и фатально проигравшей.

<...> Огромное значение играет здесь военный момент. Насколько практически военное противостояние не столь и актуально и насколько открытый конфликт мало вероятен, настолько образ вооруженных сил в сознании народа является важным интегрирующим фактором. Русского Ивана на танке еще десять лет назад можно было ненавидеть, но нельзя было презирать. Сегодня он становится фигурой полуфарсовой. В этом смысле, как это ни парадоксально, чем более мы стремимся к полной ликвидации всяческих видов оружия в реальном мире, тем более неприкосновенен должен быть образ армии в сознании общества. Хотя бы просто как силы.

<...> Следующий уровень — восприятие лидера как сгустка воли. При всей фантастичности обещанного коммунизма волевая заряженность России долгое время заражала. Россия в этом смысле имела право претендовать на роль харизматического лидера. В сегодняшней программе харизма отсутствует. С точки зрения духа лидерства — любая утопия лучше невдохновляющей прозы... В плане борьбы за массовое сознание нет ничего опаснее утилитаризации программ развития национальных республик. Поскольку сведенные к прагматике, эти программы соизмеримы с программами родственных национальным республикам стран Европы и Азии и в никакое сравнение с ними не идут. Что бы мы ни предложили Эстонии в утилитарном смысле, все равно будет «хуже Финляндии».

<...> Интегрирующий символ. Сюда относятся такие понятия, как общность судьбы, миссия, общность пролитой крови, связанное с этим побратимство, словом, факторы, соединяющие людей в группы в условиях кризиса лидерства и позволяющие устоять даже тогда, когда на текущий момент внутригрупповые смыслы совместного бытия оказываются под вопросом... Удары, наносимые по символам, особенно в направлении их профанирования, воспринимаются группами ничуть не менее, а в ряде случаев и более болезненно, чем кризис лидерства, и понижают устойчивость групп неизмеримо быстрей. Оперирование символическим слоем и даже манипулирование им — это, по сути, некая социальная математика, столь же реальная, сколь и экономика.

<...> Идеология. Советская идея вне зависимости от того, насколько она была мифологична в плане психологическом, была реальностью. Эта реальность объединяла общество на уровне сознательном столь же сильно, сколь символы на уровне бессознательного.

<...> Дворянство Российской империи, даже потеряв какой бы то ни было мессианский ореол, сохраняло межнациональное единство касты. То же самое в какой-то степени происходило и на уровне бюрократии в СССР. Партийная принадлежность до какой-то степени тоже играла роль такого интегратора. Однако по мере развития сословия, которое на сегодняшний день может быть охарактеризовано как криминальная национальная буржуазия, а также по мере девальвации уровня жизни, принадлежность к касте и вместе с тем усиления соблазнов, связанных с продажей властных отношений, такие интеграторы также оказывают далеко не прежнее воздействие <...>

НАШ СОВЕТСКИЙ ГРИГОРИЙ РАСПУТИН ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Глава кабинета, имеющий в своем распоряжении миллионный аппарат КГБ — МВД, сотни институтов, государственную статистическую отчетность, публично цитирует информацию о динамике производства, прикинутую на пальцах «аналитиками» некоего Экспериментального творческого центра. Прямые заимствования из «аналитических записок» его «экспертов» гуляют по документам и публичным выступлениям государственных деятелей.

Возникает впечатление, что наши властители потому бульдожьей хваткой вцепились именно в Литву, где им уже явно ничего не светит, что «эксперты» именно ее выбрали полигоном для своих аналитических упражнений.

Мания разоблачения заговоров, причем не менее чем в планетарном масштабе, обуяла страну. И не случайно за этим появляются экспериментальные творческие центры, и личности с режиссерской фантазией по собственному произволу конструируют политическую реальность.

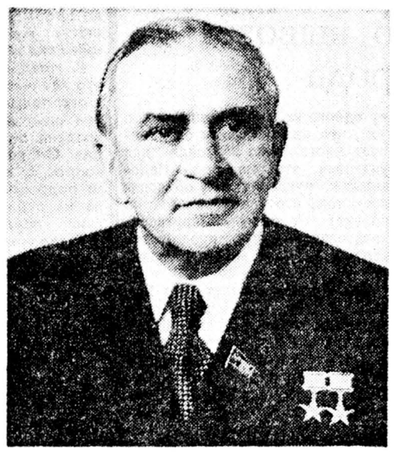
Агония политических институтов не в первый раз оказывает болезненное воздействие на состояние умов государственных деятелей, порождает политических шаманов или «торговцев страхом» из художественной самодеятельности. Гришка Распутин получил возможность смещать и назначать министров. Глава советского правительства дарует частному лицу право практически создавать государство в государстве чуть ли не во всей секретной службе.

Весь мир театр (или, в худшем случае, драмкружок). И люди в нем актеры. Например, советские государственные мужи, актерствующие в театре режиссера Кургиняна, старательно разучивающие наскоро написанные для них роли.

ИДЕИ И ЛЮДИ

«ЧТО ВАМ СКАЗАТЬ? САМИ РАЗБИРАЙТЕСЬ...»

Виктор Гришин, персональный пенсионер союзного значения, бывший член политбюро ЦК КПСС и первый секретарь МГК КПСС, отвечает на вопросы Андрея Караулова



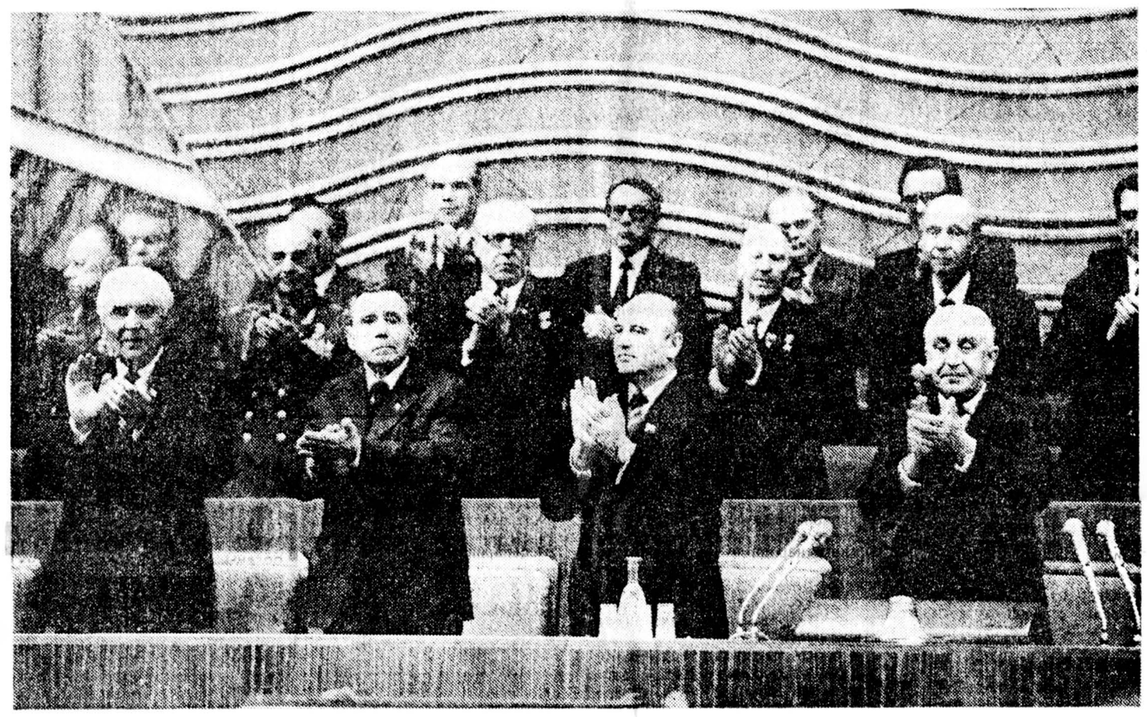


Фото И.АН.

Окончание. Начало в № 29.

— Что ж вы с Москвой-то сделали, Виктор Васильевич?

— Мы старались Москву не сносить. А сносили только дома, которые отжили свой век. Дома, как и люди, тоже стареют, и проживать в них становится невозможно. Так это было, например, на Пушкинской площади. Когда-то, в дореволюционное время, тут были дома терпимости, притоны, все это прогнило — пришлось выселить людей, причем когда их сносили, оттуда повылезали полчища крыс, их морили, потом машинами вывозили и закапывали. Так же было и у Боровицких ворот. Сносили только то, что не представляло никакой ценности. Сделать что-то с объектом, представляющим хоть какой-то интерес, без активного вмешательства Общества охраны памятников в Москве было практически невозможно. На одной из улиц, Садовой-Каретной, я помню, прямо на тротуаре стоит тумба. Мы-то думали, что нужно ее снести — стоит она, понимаете ли, прямо на тротуаре и мешает. Ан нет, Общество охраны памятников на дыбы: как же так, это памятник старины. И что вы думаете? Пришлось отступить. Или вон на нашей улице — дом Малюты Скуратова. Он уже развалился, стоять не может совершенно. (Причем он и до меня был в таком состоянии). Тоже было предложение: снести. Развалился дом, он уже ничего из себя не представляет, только мешает движению. А там можно было бы распрямить эту улицу. И опять Общество охраны памятников вмешивается: это исторический объект. Сносить, мол, нельзя, надо восстанавливать. Начались там еще при мне работы, потом все это бросили, так он и остался. Но иногда сносили просто по плану реконструкции города. Пробивали, скажем, проспект Калинина. Конечно, что-то сносили. А что было бы, если бы не было сейчас проспекта Калинина и все ездили бы вот по этому узенькому старому Арбату? Потом строили Новокировский проспект, и, когда приблизились к Тургеневской площади, я сам прошел пешком всю трассу от Тургеневской до Дзержинской, осмотрел каждый дом, который там стоит, и сказал в ГлавАПУ и Моссовете: товарищи, нельзя же по-живому, сколько тут домов нужно снести, сколько людей выселить, а мы, между прочим, еще не так богаты. Прислушались, не стали сносить. А проспект все равно нужен! Ведь по этой улице Кирова, бывшей Мясницкой, ездить совершенно невозможно! Так что жизнь все равно вынуждала нас проводить какие-то реконструкции, но все это тщательным образом прорабатывалось. Предложения, вносившиеся Главным архитектурно-планировочным управлением, рассматривались Градостроительным советом, в Обществе охраны памятников старины, в Академии художеств — мы привлекали всех, кто хоть что-то понимал, и только после этого Моссовет принимал решение! А что сейчас пишут? Писатель... по-моему, Анфиногенов, я его не знаю, в «Литературке»... так я ему сказал в личном письме, что еще до моего прихода было решение реконструировать Тургеневскую площадь. Действительно, там стояла библиотека-читальня имени Тургенева. Нижняя часть — кирпичная, верх — деревянный. По заключению архитекторов и строителей этот дом не подлежал даже ремонту, у меня есть все документы по данному вопросу. Тогда подыскали им другое помещение. Особняк на улице Кирова, дом 21. Причем еще в 67-м было решение Моссовета по этому вопросу, но теперь представляется так: ехал Гришин, увидел библиотеку и сказал — снести! Тут же приехали бульдозеры и снесли. Но так же не бывает! Какое бы Гришин ни занимал положение, один человек не мог решить вопрос о сносе какого-то здания, это совершенно исключено.

— И не было таких случаев, когда вы решали самостоятельно, волевым порядком?

— Нет. Все равно нужно было перед кем-то ставить вопрос, вносить предложения. Один из архитекторов, я не помню фамилию, сейчас обвинил меня в том, что я «урезал» здание ТАСС у Никитских ворот. В проекте оно было раза в два выше, чем сейчас. А я тогда почти каждую неделю посещал ГлавАПУ, встречался с архитекторами, рассматривал различные предложения, мы вместе обсуждали вопросы, что застраивать, как строить, где, я высказывал свое мнение, которое иногда принималось, иногда — нет. Приходилось, прямо скажем, и усилия применять, чтобы убедить людей что-то не делать. Торчит на улице Горького новая часть гостиницы «Националь», «высотка» так называемая (но это еще до меня построили). Такое же здание хотели поставить здесь. Раза в два выше, чем оно сейчас. Я посмотрел проект и говорю: товарищи, зачем же на этой старой площади возводить такую вот махину? То есть я высказал свое мнение. Теперь меня обвиняют, что я росчерком карандаша, как пишут, уменьшил этот самый ТАСС. Когда я — уже после политбюро — работал в Верховном Совете, я как-то раз спросил у Лосева (он был генеральным директором ТАСС): по вашему новому зданию есть замечания? Нет, Виктор Васильевич, мы все очень довольны. А тот архитектор просто хотел себе памятник при жизни поставить, я думаю.

— Рядом с ТАСС церковь, где венчался Пушкин. Вы замечали, в каком она состоянии?

— Мы хотели ее освободить, но это оказалось очень сложно, потому что в ней засел научно-исследовательский институт оборонного значения. С ними было невозможно разговаривать. Сначала я с Гречко пытался, потом с Устиновым — ни в какую. Говорил со Смирновым: это был зампред Совмина, который занимался вопросами оборонной промышленности. Некуда их переселять, нет помещения и т. д. А мы хотели устроить в этой церкви концертный зал, организовать орган, чтобы люди ходили, так сказать, как в Риге, в Домском соборе.

— Патриарх бывал у вас на приеме?

— Нет. Никогда. Но это ведь дело не партийное, если он и бывал, то в Моссовете, хотя... вот сейчас все кричат, что Советы у нас бесправные были, ничего не решали — только, мол, партийные органы. В данном случае — горком. И вот ведь вся критика валится на меня — одного, вы нигде не найдете, что Промыслов виноват, еще кто-то — нет. А почему? Создали такое впечатление, будто Советы ничего из себя не представляли. На самом деле это совершенно не так. Я во многих случаях даже не знал... вот вы говорите о сносе домов, а я не знал. Что-то снесли, только потом узнавал. Или — что-то построили. Тоже случайно вдруг узнаю...

— Кто же все-таки был хозяин в Москве? Вы или Промыслов?

— Так нельзя ставить вопрос. Всем хозяйством руководил исполком Моссовета. И я тоже был членом исполкома. Все решал Моссовет. Мы же в горкоме рассматривали какие-то проблемы, крупные вопросы... в порядке рекомендации, так сказать. Вот, скажем, проблема продовольствия. Этим занимались все, и я в том числе. Приходилось помогать. В Москве не хватает мяса, и мы в горкоме видим, что Моссовет не может ничего решить. Тогда я снимал трубку, звонил Косыгину: так, мол, и так, помогите нам. И мясо закупали за границей, в основном — в Аргентине. Или: Горьковская и Пензенская области должны были поставлять в Москву лук. И никогда не поставляли, с луком мы всегда переживали большие трудности — вплоть до того, что завозили его из Индии. Тогда я, пользуясь своим положением, даже каким-то авторитетом, наверное, звонил в среднеазиатские республики, в Казахстан — товарищи, такое вот у нас положение, выручайте. Москва для всех была авторитетом. Не то что сейчас. Я сам ходил по магазинам. И вот опять: меня как-то в «Огоньке» обвинили, что все это, мол, показуха, что Гришин ходил только по определенным улицам, в магазинах все было, продавцы улыбались, и он уходил довольный. А я действительно ходил пешком на работу: то по улице Герцена, то спускался по Мерзляковскому переулку и заходил на улицу Калинина, то, наоборот, поднимался по Тверскому бульвару и шел по Горького, а иногда еще выше — по Петровке с заходом на улицу 25-го Октября. Смотрел, что продают, какое настроение у людей, и сам составлял для себя какое-то представление. Причем я посещал не только продовольственные магазины. Самые разные.

— Охрана не возражала?

— А я не спрашивал. Отпускал машину и шел пешком.

Или: лето, июль — август, мы на даче. У меня была старая дача, еще от ВЦСПС. Только я перешел в горком, звонок из Совмина: Виктор Васильевич, мы должны вас обслуживать, вот вам дача. Съездили мы с Ириной Михайловной в Жуковку, посмотрели. Потом я позвонил: спасибо, говорю, но я останусь на своей. Вот так мы 34 года пользовались одной и той же дачей. Жили на ней, только когда у детей были каникулы. Сначала у детей, потом у внуков.

— Дачу отняли после ухода на пенсию?

— Да, через некоторое время. Сейчас у меня ничего нет. Так вот, когда я там жил, я ходил пешком прямо от Кунцева — и овощные, и булочные, и обувные магазины смотрел. И если видел какие-то непорядки, тут же принимал меры.

— Вы были жестким руководителем?

— Требовательным. Вот недавно совсем... один бывший секретарь райкома увидела меня на улице, окликнула, целует, так рада и все прочее. Мы, Виктор Васильевич, кто с вами работал, все помним... и так, между прочим, говорит: а как мы вас боялись! Хотя я никогда не преследовал людей по каким-то личным соображениям. За всю жизнь я не написал ни одного клеветнического материала, никого не арестовал.

— Гордитесь этим?

— Конечно.

— Но ненавидеть вы умели?

— Я ненавидел врагов Советского Союза. Не своих лично.

— А были личные враги, Виктор Васильевич? Скажем, в политбюро?

— Враги — так нельзя сказать. Но люди, которые вели против меня определенную работу, настраивали руководство,— такие были. Подгорный ко мне не очень хорошо относился. Да и еще... были. А вот с Кириленко, например, с другими товарищами у меня сложились хорошие отношения. С Косыгиным. Мы вместе отдыхали — и в Крыму, и на Волге, бывали друг у друга семьями. У него была очень хорошая жена, Клавдия Андреевна, культурная женщина, она дружила с Ириной Михайловной... С Пономаревым у меня очень хорошие отношения, бывали мы друг у друга...

— А сейчас?

— Сейчас... как-то все сидим по своим конурам.

— Что за человек был Трегубов, Виктор Васильевич?

— Трегубов? Я думаю, что за этим делом стояли какие-то очень влиятельные силы. Оно было задумано не как уголовное, это дело, скорее, политическое. С целью прихватить и Гришина.

Однажды у меня был только что назначенный министр Федорчук. Поговорили о кадрах, о том о сем, и как-то между прочим я, он сказал: а знаете, кто богатый человек в Москве? Трегубов. Я это воспринял как шутку, но все-таки насторожился. И так же в шутку говорю: что ж, разберемся. Федорчук ушел. А я уже стал думать: что такое? Потом его арестовали. Вперед вызвали в КПК, исключили из партии. Пишут, что я тут же вернулся из отпуска, был на юге,— во-первых, не на юге, а на севере (мы с Ириной Михайловной отдыхали в Прибалтике), а во-вторых, я и не думал возвращаться, хотя, да, мне сказали, что Трегубов арестован. Потом такая вот деталь: я вдруг узнаю, что бывший заместитель Трегубова пишет о всех их делах... на чье имя, вы думаете? Генерального секретаря ЦК КПСС. Не прокурора, не следователя, а на самый «верх». Сам он так захотел или... ему порекомендовали? Может такой вопрос возникнуть? Может. Я не знаю... я не вмешивался в это дело — я вообще никогда не вмешивался в следственные дела и не влиял на их ход, на решения суда. Не вникал в дела КГБ, милиции — понимал, что не полагается. Было больно, я переживал за Москву. В горкоме имелись, конечно, предположения, что в Москве есть воровство, но чтобы в таком большом объеме — это было неожиданностью. И вызвало переживания. Но я тогда сомневался (только про себя) и сейчас сомневаюсь, что Трегубов брал взятки. Очень сомневаюсь. Это копали под меня.

— А что, Виктор Васильевич, будучи членом политбюро, вы побаивались КГБ?

— Понимаете, КГБ... он ведь всюду. С другой стороны, ну а чего мне бояться? Я ни в чем не виновен. У меня совесть чиста. И пусть хоть по десяти статьям... а могут даже и привлечь, все что хочешь они... сейчас могут, но у меня совесть чиста, и я сплю спокойно. Ни в торговле, нигде я никогда не получал и не брал. Не было необходимости. Костюм я мог себе заказать. Дача была. Зарплата—700 рублей, у тех членов политбюро, кто работал в ЦК,— 800, у первых лиц — еще больше, по тысяче, по-моему. А я получал в ВЦСПС 700, так и осталось...

— Немного.

— Так и цены были другие. А тут в «Московской правде» написали, что я покровительствовал Трегубову, вот ведь как. Трегубов — мне казалось—старался, его и ночью можно было найти на работе, но доставалось ему и от меня в том числе. А «Московская правда» пишет...— я тут же письмишко главному редактору: откуда вы это берете? А вот, отвечает он, в ходе следствия нашли ваше приветствие Трегубову по случаю какого-то праздника. Слушайте: мне писали... ну я не знаю, может быть, сотни людей, поздравляли с 7 ноября, с днем рождения, Новым годом. И я считал для себя элементарной вежливостью ответить. Вот видите, какой аргумент? Ну что по этому поводу скажешь? Одним словом, дело это темное. Тот же Ельцин в своей книжке пишет, что у них там... были какие-то подозрения, но не нашлись, видите ли, доказательства. Я понимаю, куда он клонит. А придумать можно что угодно.

— Правда, что в конце 60-х вы защищали Сталина?

— Нет. О Сталине все известно. Конечно, те ужасные вещи, которые творились в то время, я осуждаю. Это Рой Медведев говорит, что я вроде бы запретил издавать его книжку о Сталине. Ну спрашивается, как я мог запретить? Есть издательство, оно подчинено Комитету по печати и т. д. — то есть влиять на это я совершенно не мог. Вот по Солженицыну я еще немножко знаю. Когда решался вопрос об «Иване Денисовиче», я вместе с другими товарищами читал. А что тут особенного, сказал я. Пусть печатают. И напечатали. Что же касается книжки Медведева, то я о ней ничего не знаю, этот вопрос нигде не обсуждался, самого Медведева я никогда в жизни — и до сих пор — не видел, только по телевидению. В одном случае он говорил так: вот, значит, Гришин ему сказал, что у нас изменилось отношение к Сталину. Я ему написал, что это неправда, что я с ним незнаком. Тогда в другом случае он «поправился»: теперь уже «один старый большевик» сказал ему о переоценке, видите ли, Сталина. Ну как тут быть? И вообще столько вранья идет, поражаешься просто. А на самом деле — ничего не изменилось, но в ЦК КПСС еще при Брежневе часто шли письма от волгоградцев: верните нам славное имя Сталинград. Их даже на политбюро показывали. Были такие.

— И как Брежнев реагировал?

— Он просто сказал: есть такие письма... но не стоит к этому вопросу возвращаться. Хотя вон в Париже, например, есть и площадь Сталинграда, и улица. А как? История, никуда ее не выбросишь. В одном из докладов Брежнев назвал Сталина как Председателя Комитета обороны — и то это обсуждалось на политбюро. И было признано: сказать надо, история есть история. Вот и все, что касается Сталина. Я считаю большой глупостью, что в Москве заброшено сооружение памятника Победы.

— Так ведь проект уж очень противный, Виктор Васильевич. Помпезный и...

— Нет, он не помпезный. Он был впечатляющий. Величественный. Так и Победа была величественной. Подумать только: в Москве нет музея обороны! Первое решение приняли еще в 56-м; Малиновский был министром обороны. А не построили, не нашли подходящий проект. Уже при мне Вучетич предложил построить его на... вот...— это не Поклонная гора, а один из холмов перед Москвой (Поклонная гора находится в другом месте, где сейчас Кутузовская изба и памятник ему, она действительно была немножко срыта — еще до меня,— когда пробивали Минское шоссе). Что же касается того места, где был заложен камень, то это одна из «высоток», тут мы ничего не снесли, наоборот, насыпали землю, чтобы приподнять его над ландшафтом. А теперь кричат: вот, снесли Поклонную гору и т. д. Это что, справедливо?

И вообще. Сколько мы в Москве открыли или привели в порядок музеев?! Музей Калинина, музей Станиславского; по существу, заново открыли Третьяковскую галерею, на Крымской набережной построили новое крупное сооружение и благоустроили весь район. Новая галерея по площади больше, чем старая Третьяковка.

— Помните статью «Позор» в «Советской культуре»?

— О том, что там картины невозможно хранить? Я думаю, это все не соответствует действительности. Мы построили хорошее здание, современное, учли мнения людей, сведущих в этом вопросе. Дальше: значительно расширили Музей Владимира Ильича Ленина, пристроили к нему новые здания, привели в порядок его филиалы. Я имею в виду Горки Ленинские. Даже паровоз, который привез тело Ленина, нашли. Поставили его у Павелецкого вокзала, сделали павильон. На многих предприятиях были созданы музеи их истории. И в депо паровозном, и на фабриках — я такие музеи тоже посещал.

— Вы, я знаю, не забывали и о Пастернаке.

— Тут такая ситуация. Само Переделкино находится на территории Московской области. Без ведома областных организаций что-то делать там мы не могли. Но этот вопрос, в общем-то, не ставился и не возникал. В то время было известное отношение к Пастернаку. О чем я больше всего беспокоился? О том, чтобы создать для жизни людей наиболее благоприятные условия. О том, чтобы Москва была по-настоящему красивым и удобным для проживания городом. Немало сделано, конечно. Мы привели в порядок все центральные площади. Вот вчера я проезжал и еще раз любовался Октябрьской площадью — красивая стала. Раньше она даже на площадь не была похожа. Открыли памятники Крупской, Димитрову, Тельману — это уже совсем недавно, 86-й, наверное. К 50-летию Октября построен проспект Калинина, потом — гостиница «Россия» в Зарядье, здание Совмина РСФСР, горбатый мост в память революции 1905 года на Красной Пресне, два больших корпуса гуманитарных факультетов МГУ, новый цирк, Детский музыкальный театр, Центр международной торговли на Красной Пресне, театры зверей Дурова и кукол Образцова, здание Министерства обороны на Арбатской площади, новые корпуса МВД и КГБ, Дом политпросвещения, новые здания «Известий», «Правды» и «Московской правды», гостиница ЦК и два крупных торговых здания на улице Димитрова, олимпийские объекты, концертный зал «Россия», здание ТАСС, новый МХАТ на Тверском, Театр на Таганке, посольства зарубежных стран на Кутузовском проспекте и Мосфильмовской улице, три здания Дома-музея Шаляпина, открытых по инициативе Елены Васильевны Образцовой — она как-то раз пришла ко мне и говорит: нужно бы там музей сделать, дома-то совершенно заброшены. Там же мы хотели построить большой концертный зал в честь Шаляпина, молодой Посохин сделал интересный проект, но я ушел, и все бросили.

— Деятели искусства часто у вас бывали?

— Очень часто. Образцова, Синявская, все главные режиссеры московских театров были вхожи, начиная с Большого. Гончаров часто бывал, чем могли помочь — помогали. Многие писатели. Вон — полшкафа, это все книги от Михалкова. «Виктору Васильевичу Гришину, руководителю московских коммунистов, доброму другу писателей... Сергей Михалков»— видите, 84-й год. А теперь он меня ругает — и публично, при Горбачеве,— как только может...

— Что же произошло, как вы думаете?

— А такой он человек. По своему содержанию.

— Вы это раньше понимали?

— Понимал. И всегда руководствовался мудрыми словами поэта: «Хвалу и клевету приемли равнодушно». Илья Глазунов сколько раз у меня бывал, предлагал свои услуги, так сказать,— мы все искали, на кого опереться, и тут он взялся (и довольно активно) привести в порядок ансамбль в Царицыне — имелось в виду разместить здесь учреждения Академии художеств. Начали мы это делать. А что там сейчас, я даже не знаю. От Глазунова у меня тоже есть альбом с большой надписью, какой я хороший и все прочее. А недавно он выступает по телевидению и говорит: в Москве, видите ли, была мафия Гришина, Промыслова и Посохина. Я ему письмишко написал: вспомните, дорогой товарищ, как вы мне в любви-то объяснялись. Но, видно, так уж в этих людях заложено, что все диктуется конъюнктурой.

Любимов Юрий Петрович часто заходил. Они еще тогда бравировали: вот мы такие, нас все обижают и т. д. Чтобы снять этот вопрос, мы построили на Таганке новый театр. А старый было решено снести. Тут они категорически завозражали, бунтуют. Пришлось мне опять вмешаться. Оставьте уж, уговариваю архитектора, спроектируйте как-нибудь. Оставили все-таки. Разговоры были такие — встречались мы: Любимов, Дупак, директор театра, секретарь их парторганизации, и Вознесенский Андрей присутствовал. Спрашиваю: какие трудности? Да вот, Виктор Васильевич, зарплаты низкие, квартиры не дают, даже ведущие артисты без квартир. Я им помогал, говорю своим — сделайте что-нибудь, нельзя же так, артисты бедствуют, можно сказать. И им помогали. А сейчас Смехов пишет: вроде бы сначала обещали, а потом ничего не дали. Вранье все это, все не так. И пишут: Гришин пришел на спектакль «Пристегните ремни», увидел, что его не дождались, начали без него, и демонстративно покинул зал. А на самом деле было вот что. Мы с женой пришли в театр где-то в половине седьмого, сидим у Любимова, разговариваем, потом, без десяти семь, я говорю: нам надо идти, пора. Нет-нет, Виктор Васильевич, не спешите. Нас позовут. Ладно, сидим. Смотрю—без пяти. Нет-нет, Виктор Васильевич, еще рано. Нам скажут. Проходит еще минуты три. Уже как-то неудобно получается. Знаете что, говорю, вы сидите, а мы с Ириной Михайловной все-таки пойдем. Поднялись, идем в зал. Сцена открыта, там вроде как самолет стоит, все пассажиры тут же, на месте, но самолет не летит, потому что должно приехать какое-то высокое начальство, а оно запаздывает. И вот мы входим, уже после семи, — в зале, конечно, смех, аплодисменты, хотя Любимов, между прочим, впереди идет. Вот я и не знаю, над кем больше смеялись, но неприятно все это. Ладно, посмотрели первый акт, а в перерыве Любимов долго извинялся: Виктор Васильевич, простите меня, они такие и сякие, вот я им, простите, ради бога. Ничего, говорю, ничего. Досмотрели спектакль до конца и уехали. Теперь это представляется в таком виде: смотрите, какой Гришин — оподзал, возмутился, уехал и после этого чуть ли не снял Любимова. А у меня к нему было самое доброе отношение, хотя с ним и очень трудно...

Вот вы меня спрашивали о врагах. Наверное, они были. Теперь вот и проявились, между прочим. Когда «перестройка». В 41-м я остался по решению МК в Серпухове, на подпольной работе. Было очень тяжело. Ни хлеба, ни воды, все эвакуировано. Там только комендант и с ним отделение солдат. Вот-вот немцы подойдут. Пришел я как-то на узел связи, вижу — парень сидит, рыжий весь, точит нож о голенище: немцев, говорит, дождемся, коммунистов вешать станем, с Гришина начнем. Но не пришли немцы. А потом подоспела 194-я стрелковая дивизия, не отдали город. Так что, когда сейчас говорят, что коммунистов вот-вот расстреливать начнут, я это уже слышал...

ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МЕНЕДЖМЕНТ ПО-СОВЕТСКИ И ПО-АМЕРИКАНСКИ
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Советско-Британское Совместное Предприятие ICON, Специализированное Агенство по Работе с Кадрами СПАРК и ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПСИХОЛОГ-КОНСУЛЬТАНТ, специалист в области организационного консультирования LARRY LeROY CONSTANTINE приглашают МЕНЕДЖЕРОВ, работающих в Совместных Предприятиях и в сфере МАЛОГО бизнеса, принять участие в

ДВУХДНЕВНОМ СЕМИНАРЕ

Семинар состоится в Москве 23-24 и 27-28 апреля 1991 года.
Стоимость участия - 300 рублей.

Ваши заявки на участие в семинаре присылайте по адресу: Москва, 125581, а/я №4 Агенство СПАРК.
Укажите Ваше имя и возраст, название организации и предпочитаемые сроки участия в семинаре.

ЛОЖЬ — ЭТО ТОЖЕ ЧАСТЬ ПРАВДЫ

Послесловие к интервью В. Гришина и предисловие к будущим публикациям «НГ»

НЕ УСПЕЛА первая часть интервью Виктора Гришина появиться в газете, как в редакции стали раздаваться звонки: зачем вы тратите газетную площадь на Гришина (а до того — на Чурбанова) — ведь это все ложь. Некоторые читатели заявляют, что они не понимают позицию «НГ», публикующую откровения таких людей, как Чурбанов, Гришин, Алиев, так как, по мнению этих читателей, такие публикации подрывают доверие к «НГ» как к демократической и независимой газете.

Видимо, стоит в этой связи дать разъяснения мне, главному редактору газеты.

О позиции «НГ». Мы пытались до сих пор и будем пытаться впредь честно исполнять профессиональный долг журналистов: сообщать читателям по возможности обо всех фактах, событиях, мнениях, взглядах, существующих в нашем обществе. Нравятся нам эти факты и взгляды или нет — дело в данном случае второстепенное. Нашу личную оценку иногда нужно высказать, но чаще она настолько очевидна, что не стоит утруждать себя и читателей ее повторением. Но нашим первостепенным делом — повторюсь, профессиональным долгом журналиста — является прежде всего объективное, без искажений изложение всего того, чем живет общество. Невежество, неведение есть один из худших пороков, которым мы долго страдали и к культивированию которого приложили руку и журналисты. Мы не собираемся вновь вставать на эту стезю. Читатель имеет право знать все. Журналист обязан (за это ему платят деньги) обо всем, что имеет право знать читатель, рассказывать. В этом — суть профессии.

Конечно, в случае с публикацией воспоминаний Чурбанова или Гришина можно признать, что «НГ» как внепартийная газета занимается отчасти не своим делом. Было бы логичнее, если бы эти воспоминания публиковали газеты КПСС, больше увлеченные сейчас «разоблачением» тех, кто, как Чурбанов и Гришин, были КПСС отвергнуты, но остались ей верны. Если коммунистическая печать хранит молчание об этих фигурах, мы сделаем это за нее.

О лживости подобных воспоминаний. Во-первых, это пока еще никем не доказано. «НГ» готова опубликовать мнения и тех, кто оспаривает точку зрения Чурбанова или Гришина.

Во-вторых, не стоит интерпретировать обычную, всем людям свойственную привычку приукрашивать события прошлого в свою пользу как сознательную ложь.

В-третьих, такие люди, как Чурбанов и Гришин, были не последними величинами на политическом небосклоне прошлого. Более того, они были руководителями с весьма большими полномочиями, они были теми, кто принимал решения. И их образ мысли, их менталитет, отраженный в их сегодняшних воспоминаниях, есть характеристика и нашей истории до 1985 года, и нашей сегодняшней истории.

Наконец, последнее. Даже если все, что сказали на страницах «НГ» Гришин и Чурбанов, сплошная ложь, от первого до последнего слова, ложь (а это, конечно, не так), то и в этом случае от нее не стоит отмахиваться, ибо ложь — это тоже часть правды. Потому что это наша ложь о нас самих. Просто проигнорировать ее — значило бы солгать еще больше, уменьшив соответственно правду.

Именно поэтому «НГ» и в дальнейшем будет публиковать на своих страницах все, что расширяет наш объем знаний о самих себе, включая нашу ложь о самих себе. Разумеется, не выдавая ложь за правду. Но первое от второго легко отличит внимательный читатель. Не остается это различие тайной и для нас, журналистов «НГ». Но, право же, не стоит прессе без особой нужды (а она возникает не так уж часто) претендовать на роль поводыря при неспособном самостоятельно сориентироваться читателе.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ.

ОБЩЕСТВО

ХМЕЛЬ В ОБМЕН НА ПИВО

Юрий Лужков запретил руководству Мосгоragропрома и думать о вывозе еды из города

Виталий Колбасюк

Москва

УБЕЖДЕННЫЙ трезвенник Юрий Лужков хорошо знает проблемы пивной отрасли столицы, и, по его словам, сейчас в год на москвича приходится 27 литров золотистого напитка. А в маленькой Баварии — 143, и потому в Москве надо строить новые пивоваренные заводы. Площадки для строительства уже отведены. На заседании исполкома, о котором идет речь, председатель Мосгоragропрома А. Зотов пожаловался, что поставщики сырья отказываются заключать договоры на поставку. За автомобиль, груженный хмелем, области требуют фургон с пивом. Сырья на складах пивоваренных заводов осталось до 1 марта — потом заводы могут остановиться.

Похожая ситуация с молоком и мясом: на поставку молока договор заключен на 20 процентов, сметаны и творога — на 25 процентов, мясопродуктов — на 76 процентов от требуемого объема. Области готовы делиться своими запасами только по бартеру. Исполком подготовил список разнообразных товаров, которые Москва может менять на еду. В списке — автомобили, трубы, сигареты, пылесосы и многое другое. Окончательный перечень всего этого добра еще будет согласовываться и определяться плановиками и снабженцами.

— Продовольствие из столицы вывозить запрещено.— Лужков повысил голос в ответ на реплику одного из промышленников о том, что «на макароны он наменяет много-много картона» для упаковки этих макарон. Недовольство руководителя объяснялось тем, что город ничего не получит от таких выкрутасов, хотя заводы будут продолжать коптить небо и перевыполнять планы.

Сам Лужков считает, что Москва может обеспечить себя продовольствием, если будет расширяться сеть малых пекарен, мясных и колбасных цехов. Малые предприятия разместятся в районах, и часть их продукции останется в местных магазинах. Решение исполкома о невывозе товаров из Москвы Лужков оценивал как «не бесспорное», и теперь все силы исполнительной власти будут направлены на то, чтобы приток продуктов в город стал постоянным.

Коротко

В Брянске создана муниципальная милиция

ПЕРВОЕ подразделение муниципальной милиции появилось в Брянске. Заместитель начальника областного управления внутренних дел Виктор Ноздрачев сообщил в интервью **корреспонденту «ИФ»**, что это пока нечто вроде пробы, так как официально статус муниципальной милиции пока не утвержден.

В. Ноздрачев также заявил, что сейчас набирается штат этого подразделения, был изучен опыт других городов, где создана муниципальная милиция. Он сообщил, что решен вопрос о финансировании этого подразделения — его взяла на себя Ассоциация брянских предприятий. Однако горисполком пока не дал гарантий по обеспечению сотрудников муниципальной милиции жильем.

Радио для верующих

ВСКОРЕ начнет вещание независимая радиостанция православной общественности (РПО). Ее учредило духовно-просветительское общество «Радонеж». В интервью **корреспонденту «НГ»** председатель общества Е. Никифоров сказал, что первое время станция будет выходить в эфир четыре раза в неделю на средних волнах с 22 до 24 часов. В дальнейшем предполагается ежедневное вещание.

Мы на верном пути, считают немцы

В МОСКВЕ побывала делегация директоров городских центров по реабилитации инвалидов земли Гессен в Западной Германии. Был подписан договор о сотрудничестве между Московским политехникумом Главного управления социального обеспечения, в котором получают образование 180 человек — инвалидов первой и второй групп — и центром реабилитации инвалидов города Бад-Фильбель. Он предусматривает обмен опытом в области профессиональной ориентации, обучения, трудоустройства людей с ограниченными физическими возможностями.

— Вы находитесь на пути к тому, чтобы сделать для инвалидов все, что в ваших силах, — сказал **корреспонденту «НГ»** Дитрих Ольденбург, председатель правления центров по реабилитации инвалидов земли Гессен.

В дар учащимся политехникума переданы подарки, собранные студентами и преподавателями аналогичного учебного заведения во Франкфурте.

Олимпийская надежда

ЗА 65 ТЫС. РУБ. продала чистокровного жеребца по кличке Волшебник конно-спортивная школа керченского судоремонтного завода «Юго-рыбсудоремонт», **передает «Студинформо»**. Волшебник приобретен для выступлений на чемпионате СССР по конному спорту. Его наездником стал мастер спорта международного класса Д. Вощакин. На этом жеребце спортсмен собирается выступить на Олимпийских играх в Барселоне в 1992 году.

Бастуют банщики

ОКОЛО 90 работников пяти кооперативных бань Ульяновска объявили трехдневную предупредительную забастовку, **сообщает «Интерфакс»**. Они требуют повысить тарифы за оказываемые населению услуги. В случае неудовлетворения этого требования бастующие намереваются сегодня полностью прекратить работу.

Уроков не будет! Школа заминирована!

ОРГАНЫ харьковских УКГБ и ГУВД ведут поиски неизвестного, позвонившего на днях в среднюю школу № 36 Харькова и предупредившего, что через 20 минут здание взлетит на воздух, пишет В. Корсунский **(СИРС)**. По предложению органов безопасности и милиции началась экстренная эвакуация школьников и учителей. Однако при тщательном обыске взрывного устройства не обнаружили.

На водку талон отдельный

СЕГОДНЯ на совместном заседании Мосгорисполкома и Мособлисполкома должно быть принято решение о введении в Москве и области талонов на основные продукты питания: мясо, животное масло, колбасные изделия. На водку будет выдаваться свой особый талон. Правило торговли табаком и сахаром не изменено. Есть информация, что новые талоны введут в обращение с первого марта.

Коротко

АРГУМЕНТЫ АТОМНОЙ ЛОГИКИ

и аргументы против

Александр Медведев

АЭС

МЫ живем в послечернобыльскую эпоху — когда дуэль аргументов трансформировалась в самые настоящие схватки пикетчиков и работников АЭС. Об этом же говорит и академик А. П. Александров («Огонек», № 35, 1990). Аргументация его в пользу развития атомной энергетики, в общем, традиционна, смысловые блоки крупны и монолитны. Монолитны на первый взгляд. Есть в его логике маленькие каверны и трещины — очень и опасно похожие на те самые дефекты в оборудовании, о которых он и ныне вспоминает с содроганием, поскольку мы, оказывается, были на волосок от трагедии, подобной чернобыльской (если не хуже!), несколько раз, в том числе и на Ленинградской атомной.

Убежденность — вещь хорошая. Атомная энергетика — тоже вещь хорошая, я говорю это всерьез. Хороши они до тех пор, пока шестерни случая не ломают свои зубцы о какой-нибудь скрытый до поры артефакт, совсем маленькую трещинку — даже если это простой логический сбой. Как в этом, скажем, суждении Анатолия Петровича: «Я по-прежнему убежден в необходимости развития для страны атомной энергетики. Убежден, что при правильном подходе к ней, при соблюдении всех правил эксплуатации она безопаснее, экологически надежнее тепловых станций...» Никакой особенно изощренной мозговой атаки не требуется, чтобы выявить слабое место этого утверждения—верней, сразу несколько слабых мест. Достаточно задаться незамысловатыми вопросами:

— возможно ли достаточно длительное соблюдение всех правил? (Мы ведь потребуем гарантии хотя бы на два-три века. На вероятность более близкого по времени второго Чернобыля не согласится самый безоглядный приверженец АЭС!);

— возможно ли уверенное выдерживание самого уровня строгости, четкости в такой нервной работе — в нашей такой нервной стране? Мой вопрос, я понимаю, слегка непатриотичен — да что делать. Случись атомная катастрофа еще раз — и мир будет обсуждать уже свой вопрос — о праве на нашу национальную самостоятельность.

Наконец, вопрос третий:

— из каких суждений, выкладок и анализов выводится, что тепловые станции более опасны, чем атомные?

К своему научному детищу академик Александров относится с религиозной истовостью: «Отказ человечества от развития атомной энергетики был бы для человечества губителен. Такое решение не менее невежественное, не менее чудовищное, чем тот эксперимент на Чернобыльской АЭС, который непосредственно привел к аварии». И снова вопрос за вопросом выпрыгивает, как чертик из табакерки... Например, а что привело к эксперименту «некоего Метленко», по сообщению Анатолия Петровича, и других атомщиков? Не симбиоз ли ученo-зоркой башковитости и слепой веры в свое богоподобие, исходящее из самонадеянного чувства власти над тем сокровенным, что в материи спрятано столь глубоко!

Один из парадоксов заключается в том, что магнитные аномалии наших тревог воздействуют на ученых и неученых спорщиков столь мощно, что их мысли, несогласные и разнонаправленные в чем-то ином, стремятся, подобно стрелкам компаса, к одной точке. Среди множества новосложившихся аббревиатур есть одна, подобная грозному воплю зверорящера, вдруг восставшего из своих доисторических гнейсов: РАО — радиоактивные отходы! При одном упоминании оных спотыкается несгибаемый оптимизм защитников ядерной программы, и они волей неволей вторят своим оппонентам — Б. Куркину, Г. Медведеву и другим. Вот и А. П. Александрова логика фактов привела к ядерному могильнику — привела неотвратимо, интервьюеру даже не понадобилось выстраивать загон из вопросов. «Я бы внес в закон положение о захоронении отходов. Делать это только на скальных породах, в районах, где есть гранит, базальт. Известняки и пески не годятся, и их иногда использовали, несмотря на наши протесты. И чтобы в течение периода опасности (300 — 500 лет), практически никогда, их по неразумению не раскопали».

«На века мертвая земля, страшновато...»—замечает собеседница. «Не мертвая, а заповедная», — предлагает, как таблетку успокоительного, академик. Успокаивать не надо. Назови хоть заповедником, хоть парком, тревога наша не убудет. Стало быть, так: РАО вообще небезопасны, а тут еще, оказывается, сваливали их в неподходящих местах. В каких? Известняк и песок для ядерных могильников не годятся, но очень годятся — и даже необходимы — для строительства. Не работают ли вовсю на этих неведомых местах карьеры по добыче стройсырья?

Есть темы — начнешь, не остановишься. В заключение хочу сказать вот о чем. Ни в физике высоких, ни в физике низких энергий я почти ничего не понимаю. Как и все другие, за вычетом нескольких имен, среди пишущего народа. Принадлежу, стало быть, к сонму некомпетентных. Но у меня, как и у других литераторов, есть, я надеюсь, некоторый профессионализм в понимании существа иных энергий — социальных. И я уверен, что общество не устанет теребить атомщиков своими «прекратите!».

Даже если бы почти всенародная радиофобия имела под собой вполовину меньше реальных оснований, она все равно столь велика, что сторонникам развития атомной энергетики не дождаться ее полураспада.

Я очень хорошо представляю себе, сколь много научной красоты в решении проблем ядерной энергетики — как в ней все тихо, чисто и мощно! Не то что угольная гарь и мазут теплоцентралей, маломощность донкихотских мельниц — ветроэлектростанций, первобытный циклопизм ГЭС... Я понимаю тех, для кого ядерная энергетика — что-то вроде любимой собаки. Но она больно кусалась, и мы уже не верим предъявляемым справкам о сделанных прививках. Есть шутка о сердобольном хозяине, который отрубал своему псу хвост понемножку, в несколько приемов. Но в данном случае речь идет не о хвосте собаки, а о ней самой. Решаться все равно придется. Народное сознание привыкает к рынку—смеси кнута и пряника. А на почве борьбы с АЭС имеет место фактор единения, братства по несчастью, как это понимается слишком многими. Это обстоятельство — дополнительный источник той силы, которая ломит соломку ведомственно-академического упрямства.

МЯТЕЖ НА «СТОРОЖЕВОМ»

Был ли заговор?

Ставшие известными события осени 1975 года на противолодочном корабле «Сторожевой» продолжают вызывать противоречивые суждения. Кем был Валерий Саблин, политрук, капитан третьего ранга, возглавивший бунт! Идеалистом-одиночкой, предателем, мечтавшим о барышах за угнанный в Швецию корабль, или звеном разветвленного заговора!

Айварс Прейнбергс, непосредственный участник событий, бывший матрос БПК «Сторожевой», отвечает на вопросы корреспондента «НГ» Николая Кабанова.

— Я НАЧАЛ службу на «Сторожевом» осенью 1973 года. Тогда он еще стоял на заводе, был совершенно новый экипаж, и до весны 1974 года мы осваивали корабль, проверяли работу всех систем и механизмов. Потом ушли из Ленинграда в Балтийск на место постоянного базирования. Лето прошло в ближних походах, осенью были на торжествах в Ростоке по случаю 25-летия ГДР, а в 1975 году у нас был дальний поход — побывали в Средиземном море, пересекли Атлантику, мимо берегов США прошли на Кубу. Оттуда — через океан — в Североморск, оттуда — опять в Балтийск.

— Что за человек был Саблин? Могло ли что-нибудь в нем предсказать руководителя мятежа?

— Он был спокойный, выдержанный. Очень был вежлив. Отношения с матросами и офицерами были нормальными, деловыми, но почти никто не имел с ним, скажем, неформальных отношений. Он был весьма скрытным. Ничто в его политбеседах не предвещало будущего мятежника. Он был обычный политрук и «верно разъяснял политику партии».

— Вспомните, пожалуйста, те два дня в ноябре семьдесят пятого, как все это было?

— Мы пришли в Ригу, на Даугаву, для участия в военно-морском параде 7 ноября. После этого мы должны были идти в Лиепаю на ремонт, так что корабль был полностью разоружен — ни одного снаряда, ни одной ракеты. Были только автоматы в арсенале и личное оружие офицеров.

Сам я в параде не участвовал — по приходе в Ригу меня отпустили домой, и я вернулся на корабль уже вечером восьмого числа. Все было нормально, спокойно. Все матросы смотрели фильм. Я заступил на вахту дежурным по боевой части. Неожиданно раздался сигнал общего сбора. Мы вышли на палубу и построились на юте — последней трети корабля. Появился Саблин. Нас удивило вначале, что кроме него из офицеров был только старший лейтенант, главный механик Фирсов. «Переворот» к тому времени уже произошел, офицеры во главе с капитаном 2-го ранга Потульным были заперты на посту, и их охранял матрос Шейн.

— Каково было содержание речи Саблина?

— То, что он говорил, не умещалось в мозгу. Совершенно невероятные вещи для политрука. Он говорил о том, что так дальше продолжаться не может, что страна движется к пропасти. Что, декларируя постоянно равенство, руководство пользуется недоступными для народа благами. Конкретно КПСС, Октябрьскую революцию он не винил. Считал, что во всем виноваты конкретные люди, из-за которых творится развал в стране. Под конец речи Саблин призвал всех последовать за ним и идти в Ленинград, там требовать выступления на телевидении.

— А как насчет Швеции?

— Это была полная ложь, сформулированная в ходе следствия для внутрифлотской «контрпропаганды». О том, что мы шли в Ленинград, свидетельствовал наш курс — после захвата корабля пограничниками меня заставили скопировать курс (я был художником), и я точно помню это.

— Как прошел день 9 ноября?

— Мы шли к Ирбенскому проливу. Внешне все было нормально, пожалуй, кроме того, что некоторые матросы вооружались автоматами.

Днем, когда мы уже были далеко от Риги, показались катера и самолеты. Я был внутри корабля, когда раздался взрыв, — это самолеты сбросили бомбы прямо на курс корабля. БПК сильно тряхнуло, как будто он налетел на мель. Мы задраились внутри. Впервые испытали настоящий страх — ведь им ничего не стоило нас потопить.

Кто-то, не знаю кто, отключил машины. На корабль высадился десант, арестовавший Саблина и Шейна. Через некоторое время стали снимать экипаж. Меня и еще человек двадцать на торпедном катере доставили в Болдераю, на базу. На автобусах отвезли в казармы. Там нас поместили под строгой охраной морских пехотинцев. Ночью вызывали на допросы. Допрашивали нас следователи в штатском, наверное из КГБ. Их интересовало все буквально по минутам — кто где стоял, кто что делал, говорил и так далее.

— Как долго продолжались допросы и что было потом?

— Допрашивали нас где-то неделю. Потом часть матросов отделили от нас и отправили на рижскую гауптвахту. Тогда она находилась возле морвокзала, на улице Цитаделес. Нас перевезли в Калининград и несколько дней допрашивали там. Позднее экипаж был полностью расформирован. Всех отправили поодиночке и в разные места. Дослуживали на берегу. Я, например, на маяке. Капитан Потульный, несмотря на то, что сразу после остановки судна он ранил Саблина выстрелом из пистолета в ногу, был понижен в звании до капитана 3-го ранга и назначен в какие-то мехмастерские в Таллинне. Это был крах его карьеры. Валерий Саблин был приговорен к расстрелу и казнен. Про других я не знаю ничего.

— Что вы думаете о тех событиях сегодня? Как вы считаете, были ли они спонтанными или готовились заранее?

— Я считаю, что, несмотря на то, что Саблин был большим идеалистом, он вряд ли пошел бы на столь рискованное дело без хотя бы малой надежды на успех. Думаю, что, возможно, был заговор. Об этом свидетельствует ряд фактов. Например, на допросах следователей интересовало, с кем из высших флотских офицеров встречался Саблин на «Сторожевом» и на берегу. А ведь до осени 1975 года наш корабль считался образцовым, и на нем постоянно торчали флотские начальники, был даже министр обороны Гречко. Так что корабль был бы весьма удобным местом встречи для заговорщиков.

И еще, когда я служил на маяке, в гидрографическом подразделении, я слышал, что подобные события происходили 7—9 ноября и на Северном флоте, и на Тихоокеанском. Там тоже вышли корабли, отказавшись подчиняться командованию, но, как и наш, были остановлены.

Расследование нашего мятежа было очень тщательным, на высоком уровне. При мне следователь звонил в Москву, сверяя мои показания с ответами других.

Сейчас в поступке Саблина многое кажется нелепым, наивным, но есть причины уважать его, несмотря на непоследовательность его шагов. Я уверен, что тогда, в семьдесят пятом, он поступал по совести.

ТОРГОВЦЫ НАРКОТИКАМИ УХОДЯТ ИЗ ГОРОДА

Милиция считает, что надо бить по «крестьянам» наркобизнеса

Владимир Тверской

Преступность

СРЕДИ НАРКОМАНОВ пошла суета: меняются сбытчики, растут цены, закрываются точки продажи гашиша и других наркотических специй. Одна из причин переполоха — ряд успешных операций специалистов по борьбе с наркобизнесом. Черемушкинский рынок, мотель на Варшавском шоссе, Колхозная площадь и другие обжитые районы Москвы были потревожены милицией. Торговцы, сориентировавшись, отступили в область.

Неделю назад вечером на въезде в город на Волгоградском проспекте были задержаны «Жигули» с «травкой», а на следующий день в Люберецком районе была облава. В нехитром доме были задержаны шестеро с большой партией маковой соломки. Четверо из них — гости из Грузии, двое — москвичи.

— Уже в этом году мы задержали сбытчиков наркотиков в два раза больше, чем в прошлом,— рассказал начальник межрегионального отдела по борьбе с наркобизнесом МВД СССР подполковник милиции В. Рощин.— И что характерно, нам удалось не просто задержать их, но и доказать их причастность к наркотикам. Они ведь реагируют на все изменения. Стоило проявиться дефициту табачных изделий, как родилась версия у задержанных с поличным, что у них вовсе не маковая соломка, а табак. Алиби они готовят себе заранее. Но нас эти фокусы уже врасплох не застают. А если смотреть на проблему более серьезно, то, наверное, пора бороться не только со сбытчиками, но, главным образом, с теми, кто выращивает «дары природы». Сырьевой основой для изготовления гашиша и марихуаны является дикорастущая конопля. На юге Казахстана еще четыре года назад она произрастала на площади в 4,5 миллиона гектаров. Сколько ее выросло еще за эти годы — неизвестно. Но, по данным Казгипрозема, заросли конопли за 25 лет пропорционально увеличиваются в 25 раз.

Только в Чуйской долине и двух прилегающих областях заросли поглотили 1 миллион 500 тысяч гектаров плодородной земли. Бытует версия, что виноваты в этой дикости и ленинградцы. Якобы во время войны в Чуйскую долину был эвакуирован канатный завод, который нуждался в конопле как в сырье для канатов. Война давно закончилась, завод вернулся на место, а конопля осталась и множится. На Дальний Восток вроде бы канатные заводы не съезжали, но и там больше чем полтора миллиона гектаров «отданы» под дикорастущую коноплю.

Кстати, среди сбытчиков наркотиков преобладают иногородние — 69 процентов.

МАЛЕНЬКИЕ МАРКИ И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Литовские марки арестованы

Михаил Ланцман

Литва

ПРОЦЕСС распада советской унитарной системы скоро, к удовольствию многочисленной армии филателистов, найдет свое отражение в знаках почтовой оплаты.

Тон в борьбе за почтовый суверенитет, как и в борьбе за суверенитет политический, задает Литва. 7 октября в Каунасе тиражом 500 тысяч штук были отпечатаны первые, после 50-летнего перерыва, почтовые марки независимой Литовской Республики. Эти блеклые марки без перфорации и клеевого слоя тут же разошлись по коллекциям филателистов. Цена их за несколько месяцев возросла от номинальной стоимости 20 копеек до полутора рублей.

Следующая партия почтовых марок — 22 миллиона штук — по заказу Министерства связи Литвы и с разрешения Госкомпечати СССР была отпечатана в Германии. Стоимость сделки составила 60 тысяч немецких марок. Почтовые марки должны были поступить в обращение к 16 февраля — Дню независимости Литовской Республики. Однако 8 января, в день падения правительства Казимеры Прунскене и начала осуществления антилитовского заговора, эти марки были арестованы на таможне в Ладзияй. Таможенники потребовали от литовской стороны разрешения Министерства связи СССР.

5 февраля в Москве первый заместитель министра связи СССР Геннадий Кудрявцев и директор департамента по почтовым связям Литвы Анатолий Митрофанов подписали совместный протокол. Министерство связи СССР заявило, что не возражает против издания Литвой своих почтовых марок и распространения их как на территории республики, так и в других республиках СССР по договоренности с ними. (Сейчас у Литвы есть соответствующие договоры с Латвией, Эстонией, РСФСР, Украиной, Белоруссией, Молдовой и Азербайджаном.) За оборот этих марок на территории СССР расчеты будут производиться в соответствии с Международной почтовой конвенцией. Министерство связи СССР направило также письмо начальнику таможни Ладзияй А. Цигелису с просьбой возвратить Литве арестованные марки. Однако они до сих пор находятся под арестом, хотя Министерство связи Литвы предоставило таможне все необходимые документы.

По мнению литовских почтовиков, Цигелис ждет дальнейших распоряжений КГБ СССР.

Знаки почтовой оплаты наряду с государственным флагом и гимном давно уже стали одним из символов суверенности.

Следует напомнить, что в начале 20-х годов практически все советские республики имели свои почтовые марки, даже такие экзотические, как Бухарская и Хорезмская. Сейчас эти марки являются филателистическим раритетом.

Судьба новых республиканских знаков почтовой оплаты будет во многом зависеть от развития политической ситуации в стране.

ХЛЕБ В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ

Елена Висенс

Вверх дном

ЧЕСТНО говоря, я думала, что уже не способна чему-нибудь удивляться — настолько привыкла к сюрпризам, которые каждый день подбрасывает нам жизнь. Но я была не права: то, что я увидела на днях, еще раз убедило меня в том, что скучать нам не дадут.

Аккуратная жестяная баночка объемом в 500 граммов, на крышке надпись на немецком: «Ржаной хлеб, нарезанный, содержимое 500 г, изготовлено в 1989 году, составные части: ржаная мука крупного помола, вода, дрожжевое тесто, соль, дрожжи».

На редкость любезные продавщицы булочной (еще один сюрприз) даже открыли одну такую банку и выставили содержимое ее — ржаные прессованные лепешки — на прилавок. И правильно сделали, поскольку не подготовленному ко всяким западным штучкам советскому человеку и в голову не придет, что в этой банке не тушенка, не фрукты — ананас, к примеру,— а хлеб. Удивленные покупатели — в основном старушки — подходили, осторожно отщипывали кусочек и отходили от прилавка, задумчиво жуя немецкий черный хлеб. Кое-кто покупал: цена-то невысокая по нынешним временам, всего 50 копеек.

Я не знаю, почему в наших булочных появился немецкий консервированный хлеб. Я даже не хочу доискиваться до истины: мне просто по-человечески обидно, если это (не дай бог!) из фондов рождественской гуманитарной помощи (прошел бум, и можно залежалый бесплатный продукт пустить в дело?) или обещанная сенатская помощь из Западного Берлина. Или мы тратим столь необходимую для другого и столь же недостающую нам валюту на вещи, без которых мы пока можем обойтись? А может быть, уже не можем? Говорят же, что в колхозах страны выбрасывают на мусор сгноенное зерно, не доставшееся ни государству, ни нам, ни скоту.

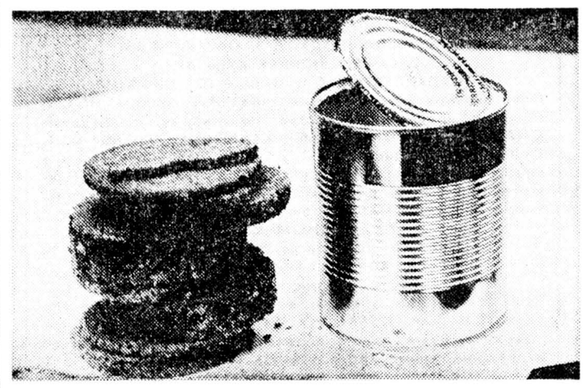


Фото Василия Шапошникова.

ПОПЫТКА КОНФЛИКТА

Борис Кочетов

Мнение

КТО ТАКОЙ Николай Мирошниченко? Его ученики — еще не так давно целая «молодежная редакция» — скажут и будут правы: Мирошниченко — тот человек, который возродил журнал «Театральная жизнь». Он возглавил его в 1982-м, когда киоскеры любили закрывать уценненной «Театральной жизнью» стекла от солнца. Работал здесь несколько лет. То были лучшие годы «Театральной жизни». Потом Мирошниченко ушел в «Современную драматургию». Мог бы не уходить, не хотел, но пошел. Где-то «наверху» решили — и точка. А тут еще к месту напомнили, что он когда-то чуть ли не больше всех ратовал за создание альманаха. Возглавив «Современную драматургию», Мирошниченко быстро, чуть ли не в первый же год, добился, что альманах будет отныне выходить не 4, а 6 раз в год. Был альманах — стал журнал. Тогда помог Лигачев, поддержал (Мирошниченко дошел и до него). Сейчас об этом в «Современной драматургии» не вспоминают. Здесь — конфликт. Точнее, попытка конфликта. Группа сотрудников — три редактора при поддержке машинистки — собрала московских журналистов и объявила Мирошниченко недоверие.

Из всех журналистов пришли только представители «НГ».

У альманаха действительно нелегкое положение. Рост цен на подписку сильно ударил по всем театральным журналам: та же «Театральная жизнь», скажем, выходившая при Мирошниченко тиражом в 40 тысяч экземпляров, набрала на этот год всего 5 тысяч подписчиков. В поисках выхода из ситуации альманах стал соучредителем нового общества «Драма». Тут все и началось: письма, манифесты-угрозы и так далее. Об этом противно говорить, потому что «Драма» — только предлог. Хотя и — прямо скажем — не самый удобный.

Кто же эти люди? И что они хотят? Называть их имена нет смысла, потому что они практически неизвестны в театральном мире. Обычные сотрудники, так сказать. А что хотят — известно. Руководить журналом. В том или ином качестве, так или иначе, но — руководить. Вот и борются. Ищут поддержки.

Пока не нашли.

В одном из первых номеров «НГ» отдел искусства целиком посвятил свою полосу поэту Юрию Кублановскому. Такие «персональные» страницы, рассказывающие о писателях, художниках, актерах, мы намерены публиковать достаточно часто. Не имеет значения, знаменит автор или безвестен, гоним или превозносим. Главное для нас — талант и нетривиальная эстетическая позиция.

Сегодня седьмая полоса представляет прозаика Владимира СОРОКИНА.

ПУБЛИКАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ:

Роман «Очередь». Переведен на 8 языков. Первая публикация: изд-во «Синтаксис», Париж, 1985, на русском языке.

Роман «Тридцатая любовь Марины», изд-во «Lieu Commun», Париж, 1987, на французском языке.

В 1991 году в Берлине будет осуществлена постановка пьесы «Дисморфомания». Режиссеры: Борис Юхананов, Антон Рей (ФРГ).

ПУБЛИКАЦИИ В СССР:

Журнал «Родник» № 11, 1989; журнал «Искусство кино» № 6, 1990; журнал «Театральная жизнь» №№ 18—24, 1990.

Катарсическая функция сорокинской прозы в том, что она превращает нас из сообщников в наблюдателей. Именно это так подавляет при ее чтении... Местами сам акт чтения этих текстов ощущается как криминальный во всей амбивалентности этого понятия: как притягательный и отталкивающий одновременно.

М. Рыклин. Литература без литературы [в сб. «Русская альтернативная поэтика». МГУ, 1990. Бесплатно. Тираж 250 экземпляров].

СОРЕВНОВАНИЕ

Владимир Сорокин

Рассказ

ЛОХОВ выключил пилу, поставил ее на свежий пень:

— Они третью делянку валят. Там еще с ними этот... Васька со Знаменской...

— Михалычев? — спросил Будзюк, откинув сапогом толстую сосновую ветку.

— Он самый. А завел их ясно кто — Соломкин. Вчера в конторе мне ребята рассказывали. У них комсомольское собрание было, ну и Соломкин выступал. Мы, говорит, всегда за будзюковской шли, а теперь кровь из носу — будем первыми. Ну и началось. Я щас шел, они там, как стахановцы,—валят, не разгибаясь.

Будзюк вздохнул, потер о рукав испачканную в смоле ладонь:

— Да... Соломкин, он боевой парень, я знаю... этот заведет...

— Да и остальные тоже, знаешь, они ведь как на подбор там — после армии только. Силушку девать некуда...

Будзюк молча кивнул головой.

Над просекой парили два ястреба. Лохов снял фуражку, вытер вспотевший лоб:

— Я еще раньше сказать хотел, да, знаешь, как-то...

— Что?

— Ну, не знаю...

Будзюк рассмеялся:

— Чего, испугался, что ли?

— Да нет, Сень. Просто при ребятах не хотелось. Пусть сами в конторе узнают.

Будзюк стряхнул с брюк опилки:

— А не все ли равно — когда. Да и чего такого? Ну вызвали на соревнование, ну и что?

Лохов почесал щеку:

— Сень, а может, пусть они с васнецовской соревнуются, а?

Будзюк насмешливо посмотрел на него:

— Чего — сдрейфил?

— Да нет... просто годы уже не те... напахался, да и ты тоже...

Будзюк покачал головой:

— Да-а-а... как ты быстро на попятную. А я вот, Иван Лексеич, дорогой мой сродственник, тоже попахал за свою жизнь не меньше твоего. Но уступать первое место и вымпел каким-то там Соломкиным не желаю! А ребята щас вернутся, я им скажу, что соревноваться будем. Будем!

Лохов, прищурясь, смотрел на попискивающих ястребов. Будзюк поставил ногу в кирзовом сапоге на позаленную сосну:

— Да неужели у тебя простой человечьей гордости нет, Вань? Они ж молокососы салаги зеленые! Ты что, думаешь, у наших сил не хватит? Да мой Жорка троих ихних стоит! А Петро? А Саня? За пояс мы их заткнем, факт! Они и леса-то не видали сроду, а туда же — перегоним! Штаны лопнут.

Лохов улыбнулся:

— Ну это как сказать, Сень. Они вон какие — угарные ребята.

— Бог с ними. Пусть пашут. Мы сноровкой возьмем, а не храпом.

— Да я-то не против, пожалуйста... только чего нам этот вымпел... премию и так получаем, прогрессивку тоже...

Будзюк махнул рукой:

— Скушный ты человек, Ваня. А еще потомственный лесоруб...

Он поднял свою пилу, тронул клапан подсоса, дернул шнур. Пила затарахтела, выпуская бело-голубой дым. Будзюк подхватил ее и покес к соснам.

Лохов нехотя встал:

— Сень, а может, ребят подождем?

Будзюк шел, не оборачиваясь.

Лохов принялся заводить свою пилу. Один из ястребов сложил крылья и упал вниз. Будзюк подошел к сосне, быстро вырезал желобок, зашел с другого бока и всадил ленту в бугристый ствол. Пила заурчала, желтоватые опилки посыпались на сапоги. Полотно медленно входило в дерево. Будзюк слегка нажимал.

Лохов подошел с тарахтящей своей и принялся за соседнюю сосну.

Будзюковская сосна дрогнула, заскрипела. Он отошел, перехватил пилу поудобнее. Сосна качнулась и стала валиться. Длинный ствол ее изогнулся и с треском обрушился на землю.

— На середку вали! — крикнул Будзюк согнувшемуся Лохову, и Лохов кивнул.

Будзюк шагнул к другой сосне, примериваясь, оглянулся, зашел с нужного бока и стал вырезать желобок.

Лохов отошел от своей. Сосна повалилась на только что упавшую.

— Щас шалашом свалим, а левые не трогай! Там в овраг валить надо! — прокричал ему Будзюк.

Пила в руках у Лохова зачихала и остановилась.

— Чего там? — прокричал Будзюк, входя в ствол с нового бока.

— Да «Дружба» старая... Андрея... выкидывать ее надо!

Будзюк отвернулся, сильнее налег на ручки.

Лохов покачал подсос, намотал шнур, дернул. Пила затарахтела и смолкла.

— Ааааа... чтоб тебя...

Он стал снова наматывать шнур.

Будзюк повалил сосну, выбрал другую.

Лохов завел пилу, сплюнул и, переступив через ствол, посмотрел на стоящие неподалеку сосны:

— Хоть бы одна кривая.. как на подбор...

Будзюк вырезал кустарник возле сосны.

— Давай помогу, Сень! — крикнул Лохов и зашагал к нему.

— Ты лучше иди вон те вали... или с этих сучья режь... во, позаросло... не продерешься!

— Лозовика, знаю дело!.. — крикнул Лохов, становясь рядом. Он сильнее прижал к ручке рычажок акселератора, быстро перекинул пилу влево и всадил полотно в шею склонившегося Будзюка. Темная кровь полетела из-под зубчатой ленты, голова вместе с потертой кепкой отделилась от шеи, упала в кусты. Ноги Будзюка подогнулись, пила врезалась в землю. Он повалился на пилу, суча ногами.

Лохов оглянулся, вытащил из-под безглавого тела пилу, подхватил свою и побежал, почти волоча их по земле, увертываясь от продолговатых полотен. Руки его прижимали рычажки акселераторов к рукояткам, пилы ревели, голубоватые шлейфы выхлопа тянулись за ними.

— Теперя и посоревнуемся... посоревнуемся... — бормотал Лохов, огибая пни.

Он пробежал через просеку, пересек овраг и оказался на обрыве. Внизу неторопливо текла Сошa, трое ребятишек сидели на мостках и удили рыбку.

Заметив Лохова с ревущими пилами в руках, они приподнялись:

— Во, дядь Ваня двумя прям...

— А шумят-то...

— Дядь Вань, а ты батяньку моего не видал?

Лохов свистнул, одно из полотен коснулось его ноги, он вздрогнул. Ребята смотрели на него.

— Вот и посоревнуемся теперя... — пробормотал Лохов, разбежался и вместе с воющими пилами полетел в воду.

Один из мальчиков бросил удочку, подпрыгнул и, совершив в воздухе сложное движение, упал плашмя на землю. Двое других подбежали к нему, подняли на вытянутых руках, свистнули. Мальчика вырвало на голову другого мальчика. По телу другого мальчика прошла судорога, он ударил ногой в живот третьего мальчика. Третий мальчик лязгнул зубами, закатил глаза и проговорил:

— И ето когда на рынок поедет купит толстого сала а дома из ево вырежет пирамидку и у ей нутро вырежет и поедет у гошпиталь и купит у хирурга восемь вырезанных гнойных аппендиксов и из них гной у пирамидку выпустит, а пирамидку сальной крышкою закроет да и зашьет а опосля пирамидку проварит у козьем молоке до пятого счету и на мороз вынесет а сам митроху найдет и покажет яму тайный уд а тот творогу коричневого пущай отвалит у малую махотку да и к куме у погреб постановит а сам к варваре у горницу войдет откроет параклит позовет брательников и пущай они по венцам посчитают и третье от параклита берно повытягнут а он с варварою у баню пойдет и тама ей ложесна развалит а она опосля побягит к золовке и ейную хлебную тряпицу к ложеснам приложит и сукровицу сотрет а василий с батянею домовину вынесут из ейной горницы на двор а тама усе собирутся а матрена у домовину и ляжет а митроха с василием натрут домовину салом поклонятся да и отступят с миром когда оборачивать начнут ну и пусть пусть пустите нас на золотоносные таежные просторы трепещущих и содрогающихся душ наших позвольте позвольте позвольте расправить светоносные мраморные крылья наши потушить потушить потушить черное пламя невоплотившихся светильников разбросать разбросать разбросать осколки поправных кумирен провести провести провести белокурых отроков по фиолетовому лабиринту смерти говорить говорить говорить со сребролликими старцами о распадающейся вечности понимать понимать понимать законы сил царств и престолов окропить окропить окропить проступившие тени минувшего обнимать обнимать обнимать стволы заповедных лип и дубов посагать посягать посягать на тайные лакуны в явных телах отнести отнести отнести платиновые скрижали в чертоги грозных убранств отрицать отрицать отрицать прошлое участие в играх смятения и отступничества приподнять приподнять приподнять бархатные покровы я тоже не полный дурак чтобы довериться костромским когда мне подсунули списанные я сразу сереге звякнул он адашкину а тот опять мне и я вложил а потом по поводу фондов с места в карьер раз ему он говорит в третьем квартале а я говорю если в третьем тогда с бетоном от винта а он стал клянчить и говорит райком его прижал а он партбилетом пока бросаться не собирается и мы вышли во двор с пирамидкой на бледной простыне положили ее на грустную колоду василий петрович взмахнул печальным топором и рассек ее пополам.

Затем выпрямился, смахнул трясущимися пальцами слезу, помолчал и произнес тихим, слегка хриплым голосом:

— Гной и сало.

—ВЛАДИМИР, не так давно ваше имя официально внесено в «списки» создателей «другой» прозы. Вы всегда писали в альтернативном традиционной советской литературе ключе или были времена, когда вы мучили себя «по чужому подобью»?

— Ну, это уже достаточно старая история. Я с самого начала считал себя художником, а собственно прозой попробовал заниматься лишь в четырнадцать лет, и очень кратковременно. Мне тогда показалось, что все получается как-то слишком легко. Это было неинтересно.

В середине 70-х годов я попал в среду московского художественного андерграунда, в круг концептуалистов — Ильи Кабакова, Эрика Булатова, Андрея Монастырского. Тогда был пик соцарта, и на меня сильное впечатление произвели работы Булатова, во многом они изменили мое отношение к эстетике вообще. До этого я воспринимал исторический и культурный процессы оборванными в 20-е годы и постоянно жил прошлым— футуристами, дадаистами, обэриутами. А тут вдруг увидел, что наш чудовищный советский мир имеет собственную неповторимую эстетику, которую очень интересно разрабатывать, которая живет по своим законам и абсолютно равноправна в цепочке культурного процесса. Парадоксально, но именно художники подтолкнули меня и к занятиям прозой.

Сказать, что я находился под влиянием какого-нибудь писателя, не могу. Скорее, это был синтез из Кафки, Набокова и Орвелла. Но это продолжалось недолго, вскоре я стал писать в откровенно соцартовской манере. Скажем, первый сборник рассказов назывался «Первый субботник», он был построен как бы по канонам официальной советской литературы среднего уровня. Как если бы он вышел в каком-нибудь калужском издательстве.

— А на самом деле где он вышел?

— Пока нигде. Он содержал типично советскую палитру тем — от производственных и райкомовских будней до любовной. Меня привлекала возможность манипуляции с этим жестким каноническим стилем, с порожденными им персонажами.

— Абсурдизм, модернизм, постструктурализм, поставангард — по-моему, публика, научившись не моргнув заглатывать эти термины, трассирующие вдоль и поперек нашей интеллектуальной целины, с трудом улавливает между ними различия. Не могли бы вы, как «типичный представитель» концептуальной литературы, объяснить жаждущей духовного просвещения общественности (заметьте, читателям ГАЗЕТЫ) — что это такое?

— По-моему, хорошо сказал один из основателей этого направления в изобразительном искусстве Кошут: в концептуализме актуальна не вещь, а отношение к этой вещи. Концептуализм — это дистанцированное отношение и к произведению, и к культуре в целом. То есть чем отличается «нормальный» писатель от концептуалиста? Тем, что он имеет свой литературный стиль, по которому узнается читателем — как узнается Набоков или Кафка. У меня же его — раз навсегда избранного— нет. Я лишь использую различные стили и литературные приемы, оставаясь вне их. Мой стиль состоит в использовании той или иной манеры письма. Тот же «Первый субботник» принципиально отличается от недавнего романа «Роман», который написан квазитургеневским языком и не содержит никаких советских реалий.

Но вряд ли имеет смысл говорить обо мне как о концептуалисте, потому что еще в начале 80-х годов я плавно со всеми перетек через «new wave» в постмодернизм. Сегодня я знаю лишь одного ярко выраженного концептуалиста — это ленинградский прозаик Аркадий Бартов. Он пока мало известен, но, думаю, окажется приятным открытием.

— Поэт Лев Рубинштейн полагает, что язык — это единственная драма, занимающая вас как писателя, что язык ваших текстов отражает «фэнерную словесность» тоталитарного общества и в какой-то момент «сходит с ума», становясь вроде бы неадекватным, а на самом деле — некоей адекватностью нового порядка. Означает ли это, что социум для вас вторичен, а общество интересует лишь как носитель и убийца языка?

— Абсолютно верно. У меня нет общественных интересов. Мне все равно — застой или перестройка, тоталитаризм или демократия. Когда я написал «Очередь» и ее перевели на Западе, то в интервью меня часто спрашивали о проблеме очередей в Союзе. А меня интересовала очередь не как социальный феномен, но как носитель специфической речевой практики, как внелитературный полифонический монстр. Все мои книги — это отношения только с текстом, с различными речевыми пластами, начиная от высоких, литературных и кончая бюрократическими или нецензурными. Когда мне говорят об этической стороне дела: мол, как можно воспроизводить, скажем, элементы порно- или жестокой литературы, то мне непонятен такой вопрос: ведь все это лишь буквы на бумаге.

Но почему так притягивает сам текст? Фуко сказал, что любой текст уже тоталитарен, так как претендует на власть над человеком. Текст — очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда — просто парализует.

— Уж не посягаете ли вы через слово на свободу воли своего читателя?

— Надо сказать, что читателя как такового я никогда не учитываю. Может быть, поэтому меня так мало здесь печатают. Меня завораживал всегда только текст. Я до сих пор не понимаю, почему то, чем я занимаюсь, нравится кому-то еще. Это моя личная проблема, проблема моей психики, я ее решаю только наедине с бумагой.

Но мы говорили о языке. Концептуализм дал мне возможность отстраненно взглянуть на литературу. Для меня нет принципиальной разницы между Джойсом и Шевцовым, между Набоковым и каким-нибудь жэковским объявлением. Я могу найти очарование в любом тексте. Наиболее привлекательными мне кажутся области, еще не втянутые в литературу, неокультуренные: бюрократический, канцелярский язык, язык душевнобольных — их письма. Я с большим интересом читаю литературу советского периода — от идеологической, такой, как «Краткий курс истории ВКП(б)», до художественной, где послевоенный сталинский роман представлен, надо сказать, просто потрясающе. Мы еще не осознали соцреализм как автономное эстетическое направление, но, думаю, придет время, и все это будет переварено культурой.

— Это означает, что вы попытаетесь писать в таком стиле?

— Уже писал. Но там такое эльдорадо, такие материки, которые не обойдешь за всю жизнь. Помимо хорошо известных производственного, деревенского или семейного романов есть, например, научная фантастика. Я читаю сейчас «Семь цветов радуги» Немцова, роман 47-го года, о том, как группа комсомольцев-изобретателей поехала в глухую деревню. Они там вырыли гигантские теплицы и, используя энергию земли, стали разводить какие-то невиданные фрукты. Это просто сногсшибательное произведение, чрезвычайно оригинальное, которое доставляет массу удовольствия. (Кстати, у меня давно возникла идея написать научно-фантастический роман).

Однако когда я пытался разговаривать с «традиционными» литераторами, литературными критиками о соцреализме, то они выказывали лишь этическое отношение к этой традиции, некоторые безответственно утверждали, что соцреализм не существовал вообще, а была и есть лишь хорошая и плохая литература. Это свидетельствует о том, что прошло еще очень мало времени, и у нашей номы — интеллектуальной среды — нет пока отстраненного, чисто эстетического взгляда на эту традицию — ну как на обэриутовскую, например. Сейчас чрезвычайно мало людей, которые это понимают.

— Вы говорили о своем безразличии к социуму. Означает ли это, что вам никогда не доводилось испытывать так называемые гражданские чувства, желание по какому-нибудь поводу слиться с массой — словом, чего-нибудь в этом роде?

— Знаете, меня толпа всегда пугала. Когда в начале 80-х мы с Вик. Ерофеевым и Приговым организовали страшную группу «ЕПС», то иногда приходилось выступать на публике. Я при этом всегда чувствовал неловкость. Меня не привлекают масса, большое скопление людей, общественные страсти и течения, быть может, потому, что, по сути, мне нечего сказать им. Возможно, это идет от долгого пребывания «в подполье», когда мы жили маленькой группкой и общество воспринималось ОТСТРАНЕННО, как изображение на экране. Для меня и сегодня ничего не изменилось. Кстати, на Западе я испытываю точно такую же онтологическую отделенность от массы. Она вызывает лишь беспокойство и желание уйти в частную жизнь. Видимо, потому «общественная жизнь» меня не интересует, что она не в состоянии изменить человеческую природу. А на меньшее я не согласен.

— По-моему, человеческую природу не способно изменить ничто.

— Ну да. Поэтому я абсолютно аполитичен и мне в принципе все равно, кто стоит у власти и какие издает законы. Мои интересы лежат в других областях.

— Политика политикой, эстетика эстетикой, но когда читаешь ваши вещи, складывается впечатление, что у вас была сверхзадача, быть может, неосознанная,— выплюнуть все то, что извращенному обществу удалось в вас вколотить. Следующим логическим шагом, можно предположить, станет отъезд на Запад, как поступили многие из ваших литературных сверстников?

— Да нет, на самом деле все сложнее. Мое отношение к бытию вообще, мягко говоря, сдержанное. Я очень хорошо понимаю Хайдеггера, который посвятил много страниц разработке проблемы заброшенности человека в этот мир форм. Каждое утро, открывая глаза, я испытываю крайнее удивление от того, что втиснут в это тело и опять просыпаюсь в этом мире, которое постепенно перерастает в состояние удрученности. В детстве, когда мы жили в Быкове под Москвой, отец года в три повел меня на аэродром, и я увидел какие-то ревущие чудовища, они притягивали и ужасали одновременно. И соответствующее отношение к миру качественно не изменилось с годами. Оно не связано конкретно с этим государством, хотя, конечно же, вырасти в таком репрессивном обществе — значило усугубить это состояние. Это проблема психики, и решить ее для меня возможно лишь при помощи письма. А уезжая на Запад, мы пересекаем лишь географические границы, но не онтологические. Нашу психику мы вывозим с собой, как рюкзак с камнями. Да и разница не так уж велика: и здесь, и там — онкологическая клиника. Только здесь стоит человеку появиться на свет, как ему объявляют: «Ты умрешь». Понятно, что и там ему не избежать аналогичной участи, но его всячески отвлекают от этой неотвратимой истины мягкой жизнью, которая чисто внешне исключает саму возможность смерти.

— У героини вашего романа «Тридцатая любовь Марины» много общего с ерофеевской «Русской красавицей» — и судьба, и род занятий, и лесбийские наклонности. Если ерофеевская Ирина одержима метафизической идеей спасения России, то ваша Марина тоже как будто пытается ее спасать, тусуясь с диссидентами, по-сестрински снимая их сексуальные затруднения. Финалы романов отличаются лишь на первый взгляд: Ирина кончает счеты с жизнью, Марина, впервые испытав оргазм с мужчиной (парторгом завода, под звучащий по радио гимн Советского Союза), сжигает диссидентские мосты и идет трудиться на упомянутое предприятие, где благополучно обезличивается (то есть тоже погибает). Боюсь, простой советский «чайник» (если когда-нибудь прочитает роман) решит, что автор убежден, будто диссидентское движение возникло благодаря не столько социальной, сколько сексуальной невыраженности. Вас это не смущает?

— Наоборот, радует такая постановка вопроса. На диссидентство, как и на всех нас, ошибочно смотреть лишь с социально-политической точки зрения. Это большая тема. Но я решал не проблему диссидентов. «Марина» сделана в жанре классического русского романа о спасении героя. В данном случае — о спасении от индивидуации. Это нечто вроде вывернутого наизнанку «Воскресения» Толстого. В тоталитарном обществе индивидуация — страшная помеха. Трагедия диссидентов была, конечно, в том, что они — яркие индивидуальности, отделенные от коммунального советского тела. Поэтому в финале Марина «освобождается» от индивидуальности, вливается в безличный «коллектив». Чудовищное — но спасение.

Когда я познакомился с Виктором Ерофеевым, то не знал о существовании «Русской красавицы», как и он о «Марине». Их сходство, по-моему, говорит о том, что герой нашего времени может быть сегодня угадан именно в женщине, в женском типе.

— Вас не огорчает признание «там» и отсутствие широкой известности «здесь»?

— Наоборот. Я уже говорил, что испытываю неловкость и недоумение, когда мои вещи вызывают у кого-то интерес. Я-то их воспринимаю только в рамках своих психосоматических проблем. А на Западе переводом занимаются в основном слависты, которые исследуют их как специфическое письмо, некий материал. Это мне понятно, это меня устраивает.

— То есть здесь вы никому не предлагали свои рукописи, никто их не «заворачивал» с какой-нибудь замечательной формулировкой?

— Никогда. Но это вовсе не значит, что я отказываюсь их публиковать. Единственное условие — я против купюр.

— Если вас начнут здесь широко печатать, вы не боитесь стать некоей литературной «эмблемой», превратиться в литературный миф вроде Айтматова или Евтушенко? Это у нас очень быстро происходит, если попасть в струю.

— Думаю, мне это не грозит. Тот тип литературы, к которому я принадлежу, вызовет у большинства неприятие.

— Но при хорошо поставленной рекламе...

— Не вижу смысла. Такие фигуры, как Евтушенко или Айтматов, имеют общественные интересы, отчасти для них литература — повод для политической деятельности, для «лечения общественных язв». Отсюда— доступный массам язык. Они пишут для народа, а я — для себя.

— Как вы относитесь к литературной критике? По-вашему, нормально, когда вас представляют читателю в образе «бледного ангела», в коем «сочетаются овидиев приснооторк и Дракула, тот кинематографический красавец Дракула с чуть вибрирующим зрачком»?

— Пожалуй, перебор... О литературной же критике могу лишь сказать, что она традиционно, как это всегда было в России, отстает от литературы. Видимо, критикам надо стремиться подальше «отступать» от предмета описания в другие жанры. Например, многое из того, что творится с театральной традицией, как-то виднее моим друзьям-художникам. Многие литераторы достаточно точно чувствуют творческую ситуацию в изобразительном искусстве или в кино. Дистанцированность и выдвижение в другие области — это очень полезно. А наша литературная критика единственно куда дрейфовала — это в публицистику и социологию. И так тянется уже больше века, что не может не вызывать сожаления.

— От чего в литературе вас тошнит?

— Иногда от текста вообще. Особенно, когда пишешь. Поэтому я рад, что профессия у меня, в общем, не литературная — художник-график. Это помогает как-то переключаться, потому что иногда начинает вызывать тошноту любой текст. Поэтому я читаю очень избирательно.

— Существуют для вас границы творческой свободы?

— Это чисто техническая проблема, а ни в коей мере не нравственная. Все, что связано с текстом, с текстуальностью, достойно перевода в литературу.

Автопортрет

ТЕКСТ КАК НАРКОТИК

Владимир Сорокин отвечает на вопросы журналиста Татьяны Рассказовой

СТИЛЬ ЖИЗНИ

ИЛЬЯ АВЕРБАХ: «РЕВОЛЮЦИЯ ПРОИЗОШЛА НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ»

То, что предложено вниманию читателя, не интервью. Высказывания режиссера вообще не предназначались для печати. На магнитопленку записывалась беседа, которую я намеревалась использовать как материал для работы о ленинградской школе кино.

Илья Авербах ушел из жизни ровно пять лет назад. Он умер на ходу, в разгар работы над фильмом своей мечты — экранизацией «Белой гвардии» Михаила Булгакова. Ему шел 52-й год. За 20 лет в кино он выпустил 8 с половиной картин [половинка — две дебютантские короткометражки «Аут» и «Папаня»].

Его фильмы редко упоминались, когда экран докрасна раскалила политическая риторика: Авербах не был публицистом. Не вспомнились они, и когда среди кинематографистов развернулся своего рода чемпионат: кто больше разоблачит фигур и явлений, кто позабористее эпатирует, а также кто погуще... заработает.

На самом деле, многое из того, вокруг чего нынче кипят страсти, волновало его и в определенном смысле было им предугадано. Он бы очень нужен был сегодня с его особой душевной устойчивостью, с его иммунитетом как против массовых шараханий, так и против личной истерии, с его иронией и с его великодушием.

Илья Авербах на съемках фильма «Объяснение в любви».

О ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ

В 60-Е ГОДЫ был как бы второй «золотой век» кинематографа, если первым считать — а так принято — немые 20-е годы. Что происходило? Открытие новых тем, освоение свежих поэтик, притом сразу многих, приход ярких и смелых индивидуальностей, и тоже множества. Французская «новая волна», американское «прямое кино», великие итальянцы: Феллини, Висконти, Антониони, Пазолини. А еще — северный утес Бергман. Мы, новички, ощущали себя в особом поле, поле высокого напряжения. Это обязывало даже и тогда, когда обязательства четко не осознавались. Вот первая общая черта. Потом очень важно было, что мы не чувствовали себя отдельно от мирового кино, а, напротив, ощущали себя участниками общего процесса. Мне кажется, в этом плане мы были первым поколением советских кинематографистов. Вспоминая наши просмотровые залы, наши споры после очередных фильмов — ты, конечно, их тоже не забыла,— я сейчас понимаю, как важно это было для всех нас. Притом я совсем не идеализирую результаты этого приобщения.

— Что же могло быть плохого в том, что нам повезло сыснуть нос из-за железного забора?

— Свои издержки, по-моему, были. Я потом скажу о них, а сейчас докончу ответ на вопрос о поколении. Сейчас я иногда сталкиваюсь с тем, что наше поколение воспринимают, с одной стороны, как сентиментальное, с другой — как склонное к патетике. А мне кажется, что главное для творческой генерации, к которой я принадлежу,— культ взаимной непохожести. И если судить не по поверхностным впечатлениям, а попробовать посмотреть в корень явления, то, я считаю, мы первое в советской истории недогматически мыслящее поколение. Что, разумеется, является не нашей личной заслугой (хотя и ею тоже), а результатом общественных умонастроений 50—60-х годов, когда умеющие думать поняли, насколько бесчеловечна господствующая идеология — и как она обезличена. То, что я называю недогматическим мышлением (о свободе мышления повременим говорить), объединяет нас, несмотря на довольно сложные, а нередко и конфликтные взаимоотношения. Пафос же, прекраснодушие — это либо манера вести себя, либо простой результат индивидуального темперамента.

Теперь об издержках нашего, так сказать, подключения к мировому кинопроцессу. Мы не просто смотрели много картин и без конца о них говорили. Мы от них как бы слегка угорели. А знаешь, я потом обнаружил, что те, кто учился во ВГИКе, в основном не пережили этой лихорадки попросту оттого, что им значительно меньше всего показывали.

— Блюли их невинность?

— Блюли, блюли. После «Иванова детства» критика затюкала Тарковского, уличая его в подражаниях Бергману и Вайде. Он же Бергмана начал смотреть в Госфильмофонде после того, как ему стали внушать, что он ученик шведа. Так вот мы слегка угорели, и все ринулись в поиски языка.

— Это плохо?

— Не плохо и не хорошо. Тут речь о другом. Это род несвободы.

Я недавно пересмотрел кучу американских картин и теперь точно знаю, что их величие не в эстетических амбициях, а в высшей степени свободы. У американских режиссеров кинозвык в крови, а зритель, в том числе образованные, искушенные, любят кино не за то, что оно не хуже литературы или театра, а за то, что оно просто хорошее кино.

— Как тебе кажется, ваше поколение, сообщество, группа, неформальная формация — называй, как знаешь...

— Почему же? Мы, конечно, поколение, все 30-х годов рождения.

— И к тому же, пожалуй, последнее поколение, осознающее свою общность, последнее, имеющее самосознание. Дальше все как-то поодиночке: Михалков, Асанова, Герман, Абдрашитов...

— Вообще да. Хотя Герман — особая статья, он поздно начал в кино, до этого в театре работал, да и Абдрашитов, мне кажется, к нам тяготеет.

— А поддержано ли ваше недогматическое, как ты говоришь, поколение сходными явлениями в литературе, театре?

— Конечно, поддержано. Собственно, в литературе все и началось. Только... они все в отъезде, поэтому не знаю, о чем и говорить будем.

— Как все? А Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина?

— Они как-то больше для меня персонажи эпохи, чем творцы. Я, возможно, неправ. А так: Аксенов, Владимов, Войнович, Кузнецов. Вот черт, ну никого не осталось! Бродский. Да, побросали нас. В театре, надо сказать, нас вдохновляли люди предыдущих поколений. Кстати, интересно, почему «Современник», скажем, не выдержал соревнования с БДТ или Таганкой? А вот что касается живописи и музыки, то им было еще хуже, чем нам. Об их трудах вообще никто не знал. Они по двадцать лучших лет своей жизни проторчали по чердакам и подвалам. Их имена только-только начинают узнавать. Тот же Шнитке, замечательный композитор из Киева Сильвестров, эстонец Пярт...

— Пярт уехал.

— Тоже уехал. А Канчели?

— Нет пока.

— Хороших композиторов в стране совсем не меньше, чем хороших кинорежиссеров. Но было бы для всех лучше, если бы мы имели возможность беспрепятственно слушать и смотреть друг друга. Мы бы все тогда больше дали.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА

— В киноведении, вообще в истории советской культуры считается аксиомой, что Москва и Ленинград составляют друг другу некую оппозицию. Москва — это монументальные историко-революционные полотна, военное кино, грандиозные постановочные экранизации. Словом, Москва — это Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Бондарчук, Алов и Наумов, Озеров, Климов, да и у Тарковского определенная тяга к размахам имеется. Ленинград же, напротив,—это эксперимент, это стремление к постоянному обновлению языка, это индивидуальный герой в центре произведения, а не исторически возбужденные толпы-массы. Ленинград — это Козинцев и Трауберг, молодой Герасимов, то есть ФЭКСы, эксцентрики, это Зархи и Хейфиц, это Алеша Герман, ну и, наконец, ты.

— Я с этим совершенно не согласен. По мне, так наоборот: московская школа хороша как раз своими камерными произведениями. Я не знаю у нас ничего лучше, чем фильмы Бориса Барнета и молодого Абрама Ромма. А также Райзмана...

— Но ты ведь знаешь, что Барнет завершил свой жизненный путь в петле, Абрама Ромма так измордовали в начале 30-х годов за «мелкотемье», что потом он стал снимать неизвестно что. Продолжать?

— Да, мы тогда смутно представляли, что есть истинное сокровище отечественного кино.

— Оно еще и в 60-е моделировалось в немалой степени по Эйзенштейну и Пудовкину, превращенным, правда, по идеям — в пропагандистский официоз, а по искусству — в академизм. Ты же помнишь: приказом председателя Госкино А. В. Романова запрещалось снимать Ролана Быкова и Инну Чурикову, как раз артистов непредсказуемого.

— Зато в 70-е годы у нас появилось несколько хороших картин, к слову сказать, впервые. Ведь первые мало-мальски живые картины на «Ленфильме» стал снимать в 50-е годы И. Хейфиц, воодушевленный как раз не традицией русской прозы, а итальянским неореализмом. В «Большой родне», в «Деле Румянцева» возникли реальное человеческое начало, реальная среда и реальные характеры. Хороши были первые фильмы В. Венгерова. А потом — провал. Когда я пришел на студию, там ничего достойного внимания не было. Конечно, были замечательные личности. Огромную роль играл Г. М. Козинцев — одним своим присутствием. Ну и энергией, конечно, и причастностью к мировой культуре, и отношением к кино, которого теперь уже ни у кого из нас нет. А потом, в начале 70-х, появилось несколько хороших картин: три ленты Г. Панфилова, работы С. Арановича, Д. Асановой...

— И пришла пора индивидуумов. Гениев. Или псевдогениев. Все поодиночке.

— Да. Вот, например, очень оригинальное дарование — Сережа Овчаров. «Небывальщина», по-моему, одна из самых живых картин в нынешнем кино. Хороший парень Костя Лопушанский. Ну, и Сокуров, конечно. Но о нем говорить трудно, хотя, бесспорно, он невероятно талантлив и замечательно самостоятелен.

— Трудно потому, что все им сделанное на поле?

— Ну конечно. Его вгиковская работа по Платонову «Одинокий голос человека» — прелестная картина. Когда я увидел ее — заорал от радости: такого таланта у нас не было со времен великих режиссеров. В тот же день его взяли на «Ленфильм». Но помимо драматизма в судьбе его работ драма есть, по-моему, и в самом творческом развитии Саши. Удача — это очень опасная штука. Она держит творца железной хваткой оправдавшего себя приема. А нужно каждый раз начинать с нуля.

Я ХОТЕЛ БЫ РОДИТЬСЯ В 80-е ГОДЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

— А теперь давай поговорим о твоем будущем фильме.

— Давай (без энтузиазма).

— Итак, ты принимаешься за съемки «Белой гвардии» Михаила Булгакова.

— Нет, картина делается по мотивам ряда произведений Булгакова. «Белой гвардией» она называться не будет.

— Из чего состоит этот «ряд произведений»?

— Он включает «Белую гвардию». А финал я сделал по рассказу «Я убил». Меня интересуют именно сплетения. Точнее сказать, переплетения человека и истории. Знаешь, я в свое время объяснял дочке (у нее с историей были нелады), что масштабы времени очень условны. Так вот, сказал ей я, античная история — это то, что происходило три года назад, наполеоновские войны проходили месяц назад, а, скажем, Октябрьская революция случилась на прошлой неделе.

У меня странные взаимоотношения с разным историческим временем. Есть куски совершенно глухие: я их не знаю, не понимаю, не чувствую. Я бы никогда не стал снимать картину из пушкинской эпохи, которая мне крайне интересна по многим статьям, но, как ее снимать, я совершенно не представляю. А то, что связано с концом прошлого века — началом нашего, обжигает меня. Мне временами кажется, что я даже дышу воздухом той поры. 18-й год для меня живой, видный во всех подробностях.

— А что такого ты видишь в 1918 году?

— Ох, да всё, всё. Во-первых, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Роковая минута — вот ситуация, которая меня необыкновенно волнует. Если бы (фантастическое предположение!) мне предложили самому выбрать время для жизни, я бы родился в 80-е годы прошлого века, чтобы наше столетие встретить в более или менее сознательном состоянии. Это страшное столетие — столетие катастроф, обрывов, крови, мук и последних испытаний. Я бы очень хотел через них пройти, как проходят мои Турбины. Наверное, потому, что в это время проверялись на прочность культура, этика, выработанные всем предшествующим развитием нашей страны. У меня основной линией будет судьба Алексея Турбина. Он погибнет, но не как в пьесе. Будет мост, черный снег, гармоника на Слободке... Алексей не может не погибнуть. Потому что знаешь, в чем нерв «Белой гвардии»? Если помнишь, там один из эпиграфов взят из «Капитанской дочки». Почему из «Капитанской дочки»? Потому, что «Капитанская дочка», да простят меня пушкинисты,— это первый и главный русский рыцарский роман, это произведение о чести. И «Белая гвардия» — тоже роман о чести. Мы этого уже нутром не понимаем, больше литературно, а это означает, что из жизни уходит то, без чего невозможна полноценная интеллигенция, а, стало быть, невозможно и душевное здоровье нации. Мне хочется остановить этот ускользающий, истаивающий нравственный закон.

— Тем самым сохранить.

— Хотелось бы.

Запись беседы
и вступительная заметка
Ирины РУБАНОВОЙ.

Без гнева и пристрастий (Тацит)

НЕЗАВИСИМАЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ: Московский городской Совет народных депутатов

Главный редактор
Виталий ТРЕТЬЯКОВ

Редакция
Игорь ЗАХАРОВ, зам. главного редактора
Александр ТЕРЕНТЬЕВ, ответственный секретарь
Дмитрий ОСТАЛЬСКИЙ, отдел политики
Александр ГАГУА, отдел республик
Михаил ЛЕОНТЬЕВ, отдел экономики
Владимир АБАРИНОВ, отдел международной жизни
Андрей ПОЛЕЩУК, отдел «Общество»
Андрей КАРАУЛОВ, отдел искусства
Леонид КОРЕНЕВ, отдел «Дайджест-досье»
Светлана МАСУД, отдел писем
Эрик АДАМУШКИН, издательский отдел
Сергей СМИРНОВ, отдел рекламы
Ирина ДЕНИСЕНКО, заведующая редакцией

Экономический директор
Игорь БАРАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, 101 000, ГСП, ул. Мясницкая (б. Кирова), 13.
Телефоны для справок:
202-76-78
202-39-71
Телефон отдела рекламы:
924-69-61

Тираж 150 000 экз.

Заказ № 603

Газета набирается и печатается в типографии издательства «Известия»

В 1991 г. газета выходит в Москве по вторникам, четвергам и субботам

Распространяется только в розницу через киоски «Союзпечати»

Книги

СКОЛЬКО хороших книг выходит в стране! Причем на самые разные вкусы. Вот, например, краткий перечень того, что появилось всего за одну неделю. Только имейте, пожалуйста, в виду, что мы анонсируем здесь, как правило, сигнальные экземпляры новых книг, а основной тираж, бывает, поступает в книжные магазины спустя недели или даже месяцы.

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Знаменитый труд французского религиоведа Э. Ренана «Жизнь Иисуса» — в ней Христос представлен как реальная личность, а стиль изложения напоминает известную серию «Жизнь замечательных людей» — становится все более доступным широкому читателю. Первым его начал печатать небольшими отрывками журнал «Слово» (еще в 1989 году). На сей день лучшее в полиграфическом отношении — репринтное воспроизведение издания 1906 года, которое осуществила «Вся Москва» еще в апреле прошлого года. (Правда, это издание— и самое дорогое: 15 руб.) Тем же, кто не смог его купить, хочу рекомендовать издание, только что выпущенное «Прометеем», — новая орфография, вполне приличный вид, самая низкая (из всех изданий этой книги) цена: 4 руб. 50 коп. А вот репринт, только что выпущенный «Музыкой», за 9 руб. 80 коп. не покупайте: это сокращенный перевод.

Еще один репринт: «Иллюстрированная полная популярная Библейская Энциклопедия» в двух книгах. Это объемистое издание, впервые полвившееся ровно сто лет назад, переиздано группой новых фирм во главе с СП «Медсервис Интерэшнл» тиражом 50 тыс. экз., по 9 руб. за книгу.

Иллюстрированная история Торы (174 стр.) издана благодаря усилиям иерусалимско-московского издательства «Махаоним». Тираж и номинал не указаны.

«Последний русский философ» профессор Алексей Лосев не раз писал о своем учителе Владимире Соловьеве. (Вспомним, кстати, что его небольшая книжка о Соловьеве, изданная почти двадцать лет назад «Мыслью» в серии «Мыслители прошлого», уже тогда стоила у книготорговцев рублей пятнадцать.) Но лишь теперь «Прогресс» (по-настоящему прогрессивное советское издательство) сумел выпустить 720-страничную иллюстрированную монографию А. Лосева «Владимир Соловьев и его время» (20 тыс. экз., 5 руб.).

ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

Внимание византистов, а также любителей изысканного, рафинированного чтения привлечет выпущенная «Наукой» тиражом всего 2 тыс. экз. книга И. Чичурова «Политическая идеология средневековья: Византия и Русь» (176 стр., 2 руб. 80 коп.).

Одним из основных исторических пособий «красному графу» Алексею Толстому, когда он писал своего «Петра Первого», была монография русского историка Михаила Семевского «Слово и дело!» 1700—1725: Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. Выпущенная впервые в 1884 году, теперь она репринтно воспроизведена Московским кадровым центром (340 стр., 130 тыс. экз.).

«Наука» выпустила сборник генерала Слащова (увековеченного Михаилом Булгаковым в «Беге») «Белый Крым, 1920 г. Мемуары и документы». (268 стр., с иллюстрациями, 30 тыс. экз., 6 руб.).

Три мемуарные книги видного политического деятеля царской России Василия Шульгина (1878—1976) впервые изданы под одной обложкой. Член Государственной думы с 28 лет, В. Шульгин в своей книге «Годы» повествует о предреволюционном десятилетии. «Дни» посвящены событиям Февральской революции и, в частности, отречению Николая II, в котором Шульгин принимал самое активное участие. В книге «1920 год» автор рассказывает о трагедии гражданской войны и выдвигает свои причины крушения «белого движения». Прекрасно изданная, богато иллюстрированная, эта 830-страничная трилогия вышла в издательстве «Новости» тиражом 100 тыс. экз. и стоит всего 5 руб. 80 коп.

Знаменитая книга Л. Б. Троцкого «Литература и революция» переиздана Политиздатом тиражом 100 тыс. экз. (400 стр., 3 руб.).

«В поисках утраченной идеи: К новому пониманию социализма» («Наука». 46 стр. 500 экз. 1 руб.). В выходных данных этой брошюры, принадлежащей перу видного советского философа и политолога Г. Х. Шахназарова, стоит: «Зак. изд.». Интересно, кто же заказал это издание? И почему всего 500 экземпляров? Неужели в нашей стране осталось лишь 500 человек, которых может заинтересовать новое понимание социализма?

А вот еще одна загадочная книга с вопросом в заголовке — А. И. Сухов «Был ли прав Карл Маркс, и что нам делать теперь». Выпустившее эту брошюру Новосибирское книжное издательство отпечатало аж пять тысяч экземпляров! Зато и цену заломило — 3 руб. за 64 страницы.

Укажем в этом разделе также на книгу народного депутата РСФСР Ю. С. Сидоренко «От потрясенного Кремля до...». Она вышла с подзаголовком «Записки председателя Счетной комиссии» в ростовском издательстве «Периодика Дона» (127 стр., 20 тыс. экз., 4 руб.).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Уступающие его сатирам, но все равно весьма любопытные «Солдатские сказки» Саши Черного изданы в «Прометее» (126 стр., 200 тыс. экз., 2 руб.).

Очень оперативно и на высоком профессиональном уровне «Художественная литература» завершила издание 5-томного собрания сочинений Михаила Булгакова — только что появился последний том (734 стр., с иллюстрациями, 400 тыс. экз., 6 руб.). Честь и хвала редколлегии, публикаторам и комментаторам, издательским и типографским работникам. Вот бы объявить свободную подписку на это собрание! Интересно, сколько миллионов экземпляров пришлось бы печатать?

Многие считают, что комедии Николая Эрдмана «Мандат» и «Самоубийца» превосходят по своей силе комедии его современника М. Булгакова, а их сценическая история — как, впрочем, и самого автора — еще трагичнее. И вот наконец-то до книжных магазинов Москвы дошел объявленный еще прошлой осенью прекрасный однотомник Н. Эрдмана, где собраны практически все его произведения, а также письма, документы, фотографии и воспоминания о нем друзей и коллег («Искусство», 530 стр., 30 тыс. экз., 5 руб.).

Не сумевшие пока приобрести в свою библиотеку поздний шедевр Владимира Набокова «Лолита» смогут теперь это сделать благодаря созданному в Москве малому предприятию «АНИОН» — оно выпустило этот роман тиражом 300 тыс. экз. и ценой 6 руб.

«Правда» издала солидный, почти 700-страничный том стихотворений и поэм Марины Цветаевой. Тираж, как почти всегда в этом издательстве, массовый — полмиллиона экземпляров, а номинал — умеренный: 4 руб.

Первым в СССР опубликовал сатирический повесть Эфраима Севелы «Остановите самолет— я слезу!» журнал «Искусство кино» (правда, в сильно сокращенном виде). Теперь у этого автора, живущего в последние годы за пределами СССР, вышла в Москве первая книга избранных произведений, названная по упомянутой выше повести («Книжная палата», 272 стр., 100 тыс. экз., 4 руб. 50 коп.).

«Китайское путешествие». Этот сборник поэтических произведений Ольги Седаковой, одной из самых сильных современных поэтесс, вышел в малоизвестном московском издательстве «Carte Blanche» (80 стр., 20 тыс. экз., 4 руб.).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Почти все нововышедшие книги в этом разделе — из разряда развлекательной беллетристики. Судите сами: вышло пять разных изданий Агаты Кристи, четыре — романов супругов Голон об Анжелике, две книги Дюма, очередной том Конан Дойла, зарубежная фантастика, детективы Сименона, Хэммета и т. п. Почти все остальные переводные книги на этой неделе — переиздания классиков: Фенимора Купера, Мопассана, Киплинга и т. д.

Отметим особо две книги. Во-первых, в «Искусстве» издан первый том двухтомника Чарли Чаплина (416 стр., 50 тыс. экз., 10 руб. 50 коп.). В него вошли два произведения: «Автобиография» и «Моя жизнь в фильмах», а также многочисленные фотографии и кадры из кинокартин.

И. З.

СПАСИ И СОХРАНИ!

МЫ ОБРАЩАЕМСЯ к вам с призывом прийти на помощь животным, томящимся в зоопарках Советского Союза. В череде наших бед мы совсем забыли о тех, кто по воле человека оказался заключенным за решетками наших зверинцев, этих тюрем для зверей. Им и раньше было там очень плохо, а теперь они просто погибают от голода. Как же можем мы, люди, допустить это и не спасти тех, кого еще можно спасти?! Нужно срочно провести сбор средств в фонд зоопарков, устроить благотворительные концерты, аукционы, выставки. Давно высказывалась идея о выпуске лотереи «Зоото», но она почему-то так и не была реализована. В 1988—1991 годах издавались марки и календари в фонд зоопарков, но теперь и их не видно. А животные тем временем умирают от голода: у зоопарков нет средств покупать им мясо и овощи по коммерческим ценам. В западных странах крупные предприятия, учреждения, отдельные граждане шефствуют над конкретным животным. Вот бы и нам ввести подобную практику — эти деньги не должны были бы облагаться налогом, так как шли бы на благотворительные цели. Ведь если у государства нет средств на зоопарки, должна помочь общественность, в том числе дети и подростки. Тогда бы они были добрее — ведь ничто так не воспитывает, как творение добрых дел.

Наш человеческий долг — помочь беззащитным животным, оказавшимся по нашей вине в неволе, тем более что многие из них являются одними из последних представителей исчезающей фауны.

Если же наше государство и мы все не можем прокормить наших меньших братьев, не гуманнее ли продать их в другие страны, где им будут созданы нормальные условия содержания?

Помощь нужна сегодня — завтра может быть слишком поздно.

Просим опубликовать наше письмо в газете.

ОСИПОВА Н. И., педагог, и еще 14 подписей.

Москва.

ПОЧТА

ПОПРАВКА

В ПИСЬМЕ С. В. Кулланды «Неожиданное подтверждение» («НГ» от 14.2.91, 8-я страница) в первом столбце в 23-й строке сверху вместо «мiръ» следует читать «миръ», а в 24-й строке сверху вместо «ижица» — «иже».

Исторический календарь «НГ»

19 ФЕВРАЛЯ

1473 — Родился Николай Коперник, астроном, математик, экономист, предсказавший даже наши сегодняшние финансовые трудности («худая монета вытесняет добрую»).

1933 — Речь И. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников с выразительными разделами: «Путь колхозов — единственно правильный путь» и «Наша ближайшая задача — сделать всех колхозников зажиточными». В третьей части своей речи вождь указал на ошибку, допущенную безенчуковскими товарищами, и заявил: «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет».

20 ФЕВРАЛЯ

1946 — Началось массовое переселение немцев из Польши.

1953 — Конгресс США одобрил резолюцию о порабощенных народах.

1974 — Премьер-министр А. Н. Косыгин — дважды Герой Соцтруда («... и в связи с его 70-летием»).

1988 — Внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение о ходатайстве перед вышестоящими органами государственной власти Армянской и Азербайджанской ССР о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией.

Sic!

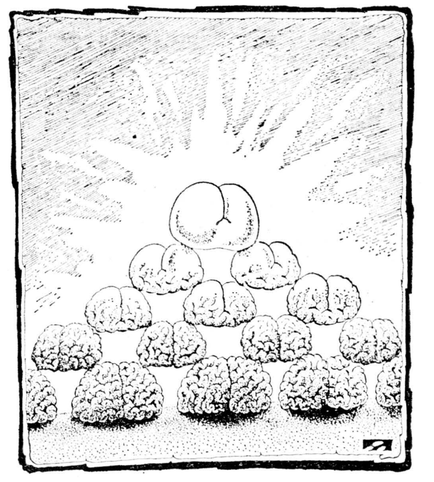


Рис. Алексея Меринова.

Телевидение

ВТОРНИК, 19 ФЕВРАЛЯ.

«Моссовет полгода спустя» (1 пр., 18.45.) Во встрече принимают участие Гавриил Попов и его «команда». Будут обсуждаться острые вопросы экономики, политики, проблемы власти, позиция демократов. Автор— Виталий Вишневский.

«Слово» (1 пр., 22.30.) Этот выпуск видеоканала посвящен Петру Столыпину, человеку, имя которого удержалось в отечественной истории несмотря на все ее пересмотры.

«Мы привыкли с «младых ногтей» слышать об ужасах «столыпинской реакции», но после смерти российского премьера анализ этих преобразований провели две независимые комиссии из Франции и Германии. По их данным, в результате столыпинских реформ к 1950 году Россия должна была бы занять ведущее место в Европе... Мы проведем свои обзоры сделанного этим человеком за неполные пятьдесят лет жизни, поразмыслим о «политическом центризме», который он избрал за основу своей деятельности в пользу Отечества»,— сообщает в еженедельнике «7 дней» автор передачи, главный редактор редакции литературно-художественных программ ЦТ Святослав Рыбас.

В передаче будет использовано много документов и кинохроники того времени, снятой операторами фирм «Патэ», «Гомон» и Ханжонкова (например, похороны Столыпина в Киеве в 1911 году), материалы переписки Столыпина и Николая II, речи Столыпина в Думе, в том числе знаменитая «Не запугаете!».

СРЕДА, 20 ФЕВРАЛЯ.

«Человек и закон» (1 пр., 21.45.) В этом выпуске: процесс в Белгороде, на котором спустя 46 лет после окончания войны предстал перед судом сотрудничавший с оккупантами, военный преступник, репортажи о работе министерства внутренних дел Латвии и правовых аспектах игорного бизнеса, сюжет о проблемах создания в Москве муниципальной милиции.

Доктор исторических наук Зоря Серебрякова, дочь репрессированного Сталиным Леонида Серебрякова, представляет документы, которые, по ее мнению, доказывают сотрудничество Сталина с царской охранкой. Кстати, этот сюжет был снят на бывшей даче Вышинского, которую тот занял сразу после ареста Серебрякова.